18+

Владимир Тормышов

Колхозанка

Владимир Тормышов

Колхозанка

«Издательские решения»

Тормышов В.

Колхозанка / В. Тормышов — «Издательские решения»,

Кристина — новый Сверхчеловек Ницше. Только вместо усов у нее мазут под ногтями, а вместо «Заратустры» — инструкция по эксплуатации МТЗ-82.Читать строго после 18 лет, желательно — в противогазе, потому что от этой прозы фонит такой суровой правдой жизни, что ваши нейролептики посыпятся как дешманская мишура.Читать стоя, желательно в кирзачах.Это вам не смузи на Патриарших хлебать, Крис красотка, у нее грудь 5 размера. А ноги такие, что все пту смотрит и кайфует от неразделенной любви.

© Тормышов В.
© Издательские решения

Содержание

Колхозанка 6
Первая глава 7
Глава вторая 9
Иван 11
Июль. Парк. Одна 13
Поступление 15
1 сентября 17
Общага 19
Парни 22
Линейка 24
Жалоба 30
Кошка 32
Новая соседка 34
Пельмени 37
Наконец одна в комнате 39
Ремонт 42
Новый ученик 44
Прогулка 45
Нет красоте 47
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Колхозанка

Владимир Тормышов

© Владимир Тормышов, 2026

ISBN 978-5-0071-6464-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Колхозанка

Слушайте сюда, интеллектуалы. Вы думали, пастораль? Идиллия? Левитан, сука, с березками?

Перед вами — «Колхозанка». Это не книга, это сеанс экзорцизма для ваших городских иллюзий.

Знакомьтесь, главная героиня — Кристина. Восемнадцать лет. Институтов не кончала, зато учится в ПТУ №3. Специальность — трактористка. Это вам не вейпить смузи на Патриарших и писать курсовую по Бодрийяру. Кристина — это чистая, неразбавленная русская красота на дизеле.

У нее в одной руке по факту скоро будет — диплом механизатора широкого профиля, в другой — разбитые надежды на любовь, а промеж глаз — такая тоска, что Сартр бы подавился своим кофе.

Вы думаете, она плачет? Нет. Она идет и чинит коробку передач. Потому что когда у тебя в крови 92-й бензин, а в плейлисте вместо «Антихайпа» — звук пускача «Беларуса», тебе не до рефлексии. Трактор — это метафора, дети. Это стальной фаллос мироздания, который вспахивает черную, жирную пустоту бытия.

О чем эта книга? О столкновении смыслов. Кристина — это русский постмодерн, который приехал к вам на дискотеку на гусеничном ходу и случайно раздавил вашу самокатную субкультуру.

Она не ищет себя. Она ищет потерянную шпильку от головки блока цилиндров. Она не страдает от одиночества. Она страдает от того, что председатель колхоза — демоническая сущность, которая не подписывает ей отгул на концерт «Пошлой Молли».

Это жесткий, грязный, пахнущий солярой и полевой ромашкой трип. Это ответ на вопрос: «Если Бога нет, то можно ли угнать комбайн и уехать в закат?».

Спойлер: Можно. Но только если зальешь полный бак.

«Колхозанка» — это манифест. Кристина — новый Сверхчеловек Ницше. Только вместо усов у нее мазут под ногтями, а вместо «Заратустры» — инструкция по эксплуатации МТЗ-82.

Читать строго после 18 лет, желательно — в противогазе, потому что от этой прозы фонит такой суровой правдой жизни, что ваши нейролептики посыпятся как дешманская мишура.

Читать стоя, желательно в кирзачах.

Это вам не смузи на Патриарших хлебать, Крис красотка, у нее грудь 5 размера. А ноги такие, что все пту смотрит и кайфует от неразделенной любви

Она не рефлексирует, она чинит коробку передач.

Сартр подавится кофе. Читаем. Вспоминаем корни. Боимся трактора.

Первая глава

У Евгения потемнело в глазах. Не от давления, оно у него как у космонавта — 120 на 80. Потемнело от геометрии.

Восьмое июня, вечер. На столе лежит дневник Кристины Смирновой за девятый класс. Вернее, то, что от него осталось после встречи с котом и чашкой липового чая. Евгений вооружился калькулятором. Он человек системы, он работает логистом. Логистика не терпит пустот. А в табеле дочери была одна сплошная пустота, обведенная двойкой по химии.

— Двадцать семь пропусков по алгебре, — ровным голосом сказал Евгений. — Тридцать один по литературе. Литературе, Крис! Там даже ходить не надо, там можно просто лежать и слушать, как учительница страдает!

Кристина ковыряла лазанью вилкой. Ей было 18 лет в душе и примерно сорок два года по уровню цинизма.

— Я болела, — сообщила она стене. — Духовно. У меня был острый приступ непринятия пушкинской рифмы.

Зинаида Петровна, мама Крис, тихо звенела ложечкой о край чашки. Звук был похож на сигнал «SOS» с тонущего корабля педагогики.

— Мы из-за тебя, паразитка, на родительские собрания ходили как на работу! — голос мамы начал вибрировать на частоте ультразвука. — Мне Марья Петровна при всей параллели сказала: «У Зинаиды Петровны дочь растет либо гений, либо овощ». Я теперь овощевод-любитель, Евгений?!

Евгений захлопнул дневник. Звук получился сухой, как удар судейского молотка.

— Всё, — сказал он. — Демократия умерла. Конституцию тебе почитать? В ней написано про обязательное среднее образование. Но про твою успеваемость там ничего нет. Значит, мы имеем право на вето.

Крис наконец подняла глаза. В них плескалось такое спокойствие, какое бывает у хирурга перед ампутацией.

— Валяйте, — сказала она. — Лишаем прав. Вызываем органы опеки. Только учтите, они спросят, почему ребенок спал на уроках. Вам придется признаться, что вы купили мне ортопедический матрас вместо репетитора по физике. Дело развалится в суде.

— Ты никуда не идешь в десятый! — рявкнул Евгений так, что фарфоровая балерина на серванте потеряла равновесие. — Никаких колледжей менеджмента! Никакого института международных отношений, куда хочет твоя бабушка!

Мы посовещались. Рынок труда сейчас жесткий. Хороший экскаваторщик получает больше, чем твой троюродный дядя-юрист.

— С первого июля ты поступаешь, — Евгений сделал театральную паузу, — в ПТУ номер 3. На отделение гусеничной техники. По специальности «тракторист-машинист широкого профиля».

Зинаида Петровна закрыла лицо руками и зарыдала. Это был красивый, оперный плач женщины, чей единственный ребенок будет пахать целину.

Кристина дожевала лазанью. Отложила вилку. Вытерла губы салфеткой с вышитой розой. И улыбнулась. Так улыбаются люди, которые только что выкупили контрольный пакет акций вашей паники.

— Прекрасно, — сказала она. — Просто восхитительно.

Родители замолчали от такой наглости. Они ждали истерики, битья посуды, хлопанья дверьми. Но Крис достала телефон.

— Группа «Пашем вместе», — буднично пояснила она, листая ленту. — Подслушано у трактористов. Чат «Запчасти для МТЗ-82». Пап, кинь триста рублей на карту, я скину им донат. Хочу, чтобы аватарку сделали с моим лицом.

Евгений поперхнулся минералкой.

— Какой донат?! Какое лицо?! Ты издеваешься?!

— Почему? — Крис пожала плечами с абсолютно искренним недоумением. — Вы дали мне цель. Я приняла вызов. Назло вам я стану лучшей трактористкой района. Я буду королевой дизельного топлива.

Она встала из-за стола.

— Во-первых, — начала загибать пальцы Крис, — у меня врожденное чувство габаритов. Я парковалась во дворе лучше, чем вы оба, вместе взятые. Во-вторых, я умею спать сидя. Любая техника требует долгого прогрева. Пока этот ваш «Беларус» раскочегарится до восьмидесяти градусов, я успею увидеть сон, где отменяют ОГЭ.

Зинаида Петровна, мама Крис, перестала плакать. Она смотрела на дочь с ужасом энтомолога, обнаружившего, что пойманный жук подмигивает ему моноклем.

— Кристина, это дно, — прошептала она. — Мы хотели тебя напугать! Мы завтра же переведем тебя в лицей!

— Поздно, — отрезала Крис. — Рубикон сожжен выхлопными газами. Я уже мысленно выбрала имя. Клаша. Нет, Брунгильда. Брунгильда Шумахер фон Гусеница. Звучит?

Она подошла к холодильнику, взяла кусок колбасы и сунула в карман шорт.

— Мне нужно тренироваться питаться всухомятку. Настоящий механизатор обедает, не отходя от плуга. Кстати, пап. Если решишь завтра везти меня подавать документы, оденься попроще. Комиссия ненавидит галстуки. Им кажется, что их будут учить читать.

Евгений смотрел на жену. А мама смотрела на дочь. Дочь смотрела в окно, видимо, оценивая ландшафт на предмет проходимости для тяжелой техники.

— Что происходит? — одними губами спросил Евгений.

— Происходит сепарация, — вздохнула Зинаида Петровна. — Кажется, мы вырастили очень дорогую, очень ленивую и совершенно неуязвимую гадюку.

— Спокойной ночи, мои любимые, — бросила Крис, направляясь в свою комнату. — Пойду учить устройство карбюратора. Говорят, если рассказать его наизусть мастеру производственного обучения, ставят автоматом.

Дверь закрылась. Из комнаты тут же раздался звук включенного геймпада. Судя по воплям, назло родителям Кристина Смирнова прямо сейчас выигрывала мировой чемпионат по виртуальному вождению комбайна. Колеса мести закрутились.

Глава вторая

У здания ПТУ номер три пахло битумом, несбывшимися надеждами и столовской котлетой. Кристина Смирнова поправила лямку дорогого городского рюкзака от «Бенеттон». Рюкзак выглядел на фоне обшарпанных дверей училища как лабрадор в упряжке с ездовыми лайками.

В кармане шорт лежала записка от родителей. Точнее, ультиматум. Написанный маминой рукой, но папиным канцелярским почерком: «Сдашь документы — домой можешь не возвращаться. Купим тебе ватник».

Крис зевнула. Спать хотелось смертельно. Ночью она встречалась с мальчиком Ваней.

Иван был прекрасен, как восход над гаражным кооперативом, и так же глубок интеллектуально. Он научил Крис правильно затягиваться электронной сигаретой и объяснил устройство карбюратора на примере своего скутера. Карбюратор напоминал внутренности инопланетянина, но Крис сделала вид, что всё поняла. Это было проще, чем учить признаки равенства треугольников.

В приемной комиссии сидел мужчина по фамилии Цапко. У него были брови, растущие горизонтально, и лицо цвета пережаренного блина. Перед ним стояла табличка: «Заместитель директора по борьбе с абитуриентами».

— Фамилия? — спросил Цапко, не поднимая глаз от ведомости.

— Смирнова. Кристина.

Цапко поднял глаза. Посмотрел на ее белые кеды. На краешек айфона, торчащий из заднего кармана. Снова посмотрел на кеды. Его мозг пытался сложить два плюс два, но постоянно сбивался на попытке вычислить стоимость одного кеда.

— Девочка, — сказал он тоном педиатра, сообщающего о тяжелой ветрянке. — Ты адресом не ошиблась? За стенкой торговый колледж. Там маникюры делают. Блестки. Стразики.

— Я знаю, где стразики, — вежливо ответила Крис. — Мне нужен трактор. Гусеничный желательно. Чтобы меньше трясло почки.

Комиссия за столом замерла. В воздухе запахло коротким замыканием логики.

— Девушка-тракторист… — протянул Цапко. — Милая, у нас их с пятьдесят третьего года набора не было. У нас база старая. Кабины без кондиционеров. Туалета в поле нет. Инструктора суровые, они матом не ругаются, они на нем стихи пишут. У тебя маникюр вон какой… французский. Как ты гайку будешь крутить? Выкинь это из головы. Иди лучше на продавца-кассира. Там тепло, и люди.

Крис посмотрела на свои ногти. Действительно, френч. Идеальный. Она специально сделала его вчера, чтобы позлить маму. Мама плакала над идеальным френчем громче, чем над двойкой по геометрии.

— Слушайте внимательно, — Крис оперлась локтями на стол Цапко. От нее пахло духами за восемь тысяч рублей. Комиссия инстинктивно отодвинулась. — Мои родители — логист и менеджер по продажам пластиковых окон. Они думают, что если напугают меня мазутом, я побегу пересдавать ОГЭ. Они объявили мне санкции. Запретили десятый класс. Сказали, что купят ватник.

Она выдержала паузу, давая смыслу впитаться в горизонтальные брови Цапко.

— Так вот. Назло мировому империализму и лично папе Евгению, я стану лучшей трактористкой этого района. Я выучу этот ваш дифференциал наизусть. Я буду знать коробку передач лучше, чем таблицу умножения. Я назло вам всем поступлю к вам, закончу у вас учиться с красным дипломом, и мой портрет повесят вместо иконы прямо над вашим входом. Люди будут заходить и креститься: «Святая великомученица Кристина, защити от пробок».

Цапко сглотнул. План «отговорить» трещал по швам. Обычно дети после слова «ватник» начинали рыдать и проситься к маме. Эта смотрела на него как налоговый инспектор на неуплаченный НДС.

— У нас первый курс живет в казарме! — предпринял последнюю попытку заместитель директора. — Подъем в шесть!

— Прекрасно, — кивнула Крис. — Буду досыпать на чертеже плуга. Говорят, монотонное гудение дизеля лечит депрессию лучше, чем антидепрессанты. А депрессия у меня тяжелая. Хроническая. Вызвана изучением биографии Лермонтова.

Она достала из рюкзака пластиковую папку. Внутри сиротливо болтался один-единственный лист — копия аттестата. Троечного, потрепанного жизнью.

— Где подписывать кровью? — спросила Крис. — Только учтите, моя группа крови редкая. Если начнется ломка от отсутствия вай-фая, вызывайте сразу. Я девушка хрупкая.

Цапко молча подвинул ей бланк заявления. Пока Крис заполняла графу «Желаемая специальность», комиссия тихо совещалась.

— Может, скорую? — шептал кто-то. — Или попа?

— Какой поп, — шипел Цапко. — У нее отец логист. Они страшнее налоговой. Если мы ее сейчас завернем, он придет разбираться на танке. Своем личном.

Крис поставила размашистую подпись. Дата. Число. Год.

— Спасибо, — сказала она, отодвигая бумажку. — Пойду мерить спецобувь. Надеюсь, у вас есть сороковой размер с мехом? Мстить родителям нужно с комфортом для нижних конечностей.

Она развернулась и пошла к выходу. Шаг был легкий, почти летящий. Походка человека, который только что официально купил себе право больше никогда в жизни не писать сочинение на тему «Образ лишнего человека».

Цапко смотрел ей вслед и чувствовал, как рушится привычный мир профтехобразования.

— Контингент меняется, — философски заметил сторож Хабиб, дымя самокруткой в форточку. — Раньше от армии косили. Теперь от мамы с папой. Прогресс. Главное, чтоб сцепление не сожгла. Оно нынче дорогое.

Иван

Ваня ел шаурму. Это был очень важный, концептуальный процесс. Ваня всегда ел шаурму, когда собирался сообщить Кристине Смирновой плохие новости или попросить денег на новый чехол для телефона с беспроводной зарядкой.

Они сидели на лавочке в парке. Крис смотрела на голубя. Голубь ходил враскоряку, потому что наступил в чей-то растаявший пломбир. В его глазах читалась вся мировая скорбь и двойка по химии.

— Я подала документы, — сказала Крис, не отрывая взгляда от птицы. — ПТУ номер три. Отделение гусеничной техники.

Ваня перестал жевать. Майонез капнул на его новые кроссовки «Нью Бэланс». Капля лежала там белым, жирным знаком вопроса.

— Какую технику? — переспросил Ваня. Его голос стал тонким, как нитка из китайского свитера.

— Тракторист-машинист широкого профиля, — любезно расшифровала Крис. — Широкого, Вань. Я смогу пахать вдоль, поперек и по диагонали. Назло папе. Он хотел меня в десятый класс, к Марье Петровне и ее ужасу перед интегралами. А я назло ему буду нюхать солярку. У меня будет своя телогрейка. С розовым мехом внутри. Я уже придумала.

Ваня наконец проглотил кусок. Шаурма встала у него поперек горла, как несданный пробник ЕГЭ.

— Крис… Ты в смысле трактористка? Настоящая? Который за рулем сидит? У которой руки по локоть в мазуте?

— И ноги тоже, — кивнула она. — Мазут нынче качественный, липкий. Зато график два через два. Можно спать сутками. И зарплата выше, чем у твоей мамы в бухгалтерии ЖЭКа. Мы могли бы взять ипотеку, Вань. На однушку в Липецке. Я бы тебе выхлопной трубой парковочное место грела зимой.

Ваня побледнел. Три года отношений, триста шестьдесят четыре дня переписки в мессенджере, совместные планы на отпуск в Анапе и котенок по кличке Платон — всё это рухнуло прямо сейчас, между недоеденной шаурмой и голубем-погорельцем.

— Какие сутки?! — взвизгнул Ваня. — Какой мазут?! Крис, мы же договаривались! Я после армии в автосервис пойду, мастером смены. Ты должна была пойти на экономиста! Сидеть в офисе, пить латте из макулатурного стаканчика, носить белые блузки! У нас трое детей запланированы! Мальчик, девочка и еще один мальчик, чтобы старшему не скучно было драться! Как ты будешь рожать троих детей от трактора?!

— От тебя, Ивана, а не от трактора, — механически поправила Крис. — Хотя поршневая группа у МТЗ надежная, тут спорить нечего…

— Всё! — Ваня вскочил. Шаурма жалобно хрустнула в его кулаке. — Всё кончено. Я так не могу. Я ухожу от тебя. Понимаешь ты? Я мужчина. Мне нужна женщина-муза. Чтобы вдохновляла. Чтобы говорила: «Милый, твой диплом колледжа связи — это ступень в великое будущее». А не: «Дорогой, передай мне гаечный ключ на тридцать два, у меня кардан люфтит».

Крис моргнула. Один раз. Медленно. Циничная броня, которую она строила все эти годы против родительских собраний и завучей, дала трещину. Прямо по линии роста ресниц.

— Из-за трактора? — тихо спросила она. — Мы расходимся из-за того, что я буду крутить руль без гидроусилителя?

— Не руль! — Ваня театрально всплеснул руками, забыв про остатки еды. — Образ жизни! Запах! Соседи! Представь, я привожу тебя на встречу выпускников в моей будущей автомастерской. «Это моя девушка, Кристина». А ты выходишь оттуда, благоухая дизелем и

мазутом, и спрашиваешь, почему у их «Бентли» такой позорный клиренс! Меня засмеют! Мой социальный статус упадет ниже плинтуса!

— Ниже твоего социального статуса только тараканы соседей снизу, — прошипела Крис. Но глаза уже начало щипать. Предательски, по-девчачьи. — Значит, если бы я пошла на юриста, как хочет твоя мама, и выносила мозг людям законно, ты бы женился? А если я буду работать на тракторе — нет?

— Юрист — это звучит гордо! — выкрикнул Ваня. — Это перспектива! Это костюм! А трактористка — это коленки в грязи и песня «Ой, мороз, мороз» хором с комбайнерами! Прости, Крис. Я слишком хорош для полевых работ.

Он бросил остатки шаурмы в урну. Промахнулся. Белые капли майонеза теперь украшали асфальт, словно слезы греческого бога фастфуда.

— Ключи от квартиры где лежат, ты знаешь, — сказал он, отступая назад. — Платона заберу вечером. Ему нужен отец. Особенно такому тупому кошаку.

И ушел. Спина его выражала глубокое удовлетворение человека, который только что героически избежал женитьбы на сельском хозяйстве.

Крис осталась сидеть. Она посмотрела на свои ладони. Маникюр. Французский. Идеальный. А завтра ей идти в ПТУ мерить спецовку.

Голубь подошел ближе. Посмотрел на нее своим мутным глазом. Перепачканными в пломбире лапами он аккуратно переступил через брошенный Ваней бумажный пакет.

Крис закрыла лицо руками. И заплакала. Громко, некрасиво, всхлипывая носом.

Она плакала не из-за Вани. Ваня был просто приложением к школьной программе, которое удалилось за ненадобностью. Она плакала, потому что поняла страшную вещь.

Родители победили.

Назло им можно выучиться на трактористку. Назло им можно купить ватник. Но заставить любить себя человека, которому стыдно за запах твоих рук — нельзя даже назло.

— Эй, — сказала она голубю, размазывая тушь. — Хочешь булку? Только учти, я будущая аграрная элита. Булка выдается строго по талонам и после выполнения нормы по бороздам.

Голубь ничего не ответил. Он просто клюнул ее в палец. Наверное, проверял компрессию.

Июль. Парк. Одна

Июльский вечер дышал сухим, истомным зноем. В городском саду, над старыми липами, стояло густое золотистое облако пыли и цветочной пыльцы — то самое предчувствие грозы, когда воздух становится плотным и тяжелым, как расплавленное стекло. Кристина сидела на крайней скамье, у самой чугунной ограды, за которой с грохотом проносились редкие автомобили.

Она пришла сюда без цели, просто потому, что четыре стены комнаты давили на нее невыносимой тяжестью, а одиночество в пустой квартире казалось страшнее этого чужого, равнодушного мира.

Ей было 18 лет, но сейчас она чувствовала себя древней, высохшей старухой. Три года жизни — три бесконечных года, наполненных светом, смехом Ивана и запахом его одеколона — вдруг оборвались сегодня днем, превратившись в мертвый, ненужный хлам.

Всё рухнуло не тогда, когда он бросил шаурму в урну, промахнувшись мимо бака, и даже не тогда, когда крикнул ей вслед слова о «социальном статусе». Всё рухнуло в ту секунду, когда она сама, холодная и самоуверенная, глядя ему прямо в глаза своим привычным циничным прищуром, объявила: «Я подала документы в ПТУ номер три. На трактористку».

Она сказала это назло. Назло отцу с его логарифмами, назло матери с ее слезами, назло этому чистому, сытому миру гимназий и институтов. Но Иван понял только одно: от нее уже пахнет соляркой, землей и нищетой. И ушел.

Теперь этот июль казался ей пыткой. Каждая деталь сада резала глаз своей фальшивой красотой. Белые платья гуляющих барышень, их глупый, счастливый смех, шелест шелка — всё это было из какой-то другой, несбывшейся жизни. Той жизни, где они с Ваней тоже гуляли бы здесь вечером, держась за руки, строили планы на троих детей — мальчика, девочку и еще одного мальчика для компании — и говорили о будущем так легко, словно оно уже лежало у них в кармане вместе с ключами от будущей квартиры.

Кристина медленно достала из кармана юбки смятую пачку сигарет. Руки дрожали мелкой, противной дрожью. Эта была та самая спесь, тот ледяной панцирь, который спасал ее все девять школьных лет, пока она спала на парте, прогуливала химию и врала родителям про мигрени. Панцирь дал трещину. Внутри была пустота.

Она закурила. Горький дым обжег пересохшее горло. Мысли путались, возвращаясь к одному и тому же дню, к его лицу — родному, ставшему в одну минуту чужим и брезгливым. Как он смотрел на ее французский маникюр, на эту белую блузку… Он любил ее образ, ее легкость. А она предложила ему свою душу, вывалянную в мазуте.

«Цинична и самоуверенна», — вспомнила она слова классной руководительницы. Где теперь эта уверенность? Ее съел этот тяжелый, душный июльский воздух. Осталась только звенящая, тошнотворная ясность понимания: мир кончился. Не весь мир вообще, нет. Весь ее мир. Тот единственный, настоящий, в котором был смысл вставать по утрам, терпеть дурацкую физику и ждать вечера ради его звонка. Теперь там, где должен был быть свет, зияла черная дыра.

Солнце садилось быстро, окрашивая небо в мертвенный багровый цвет. Липы стали черными, плоскими силуэтами.

Кристина смотрела на свои тонкие пальцы, сжимающие сигарету, и видела их чужими. Это были руки будущей трактористки. Руки, которые через месяц привыкнут держать холодный металл рычага, ладони, которые загрубеют от гаечных ключей. Она выбрала эту судьбу сама, бросила ее в лицо родителям как перчатку. Но кто знал, что цена этой мести окажется такой непомерной?

Где-то высоко, в невидимых ветвях, пронзительно и тоскливо вскрикнула какая-то птица. Звук был коротким, обреченным. И в этом птичьем крике Кристине почудился плач по всей той любви, которая умирает вот так — внезапно, нелепо, от одной брошенной в сердцах фразы.

Докурив до самых пальцев, она швырнула окурок в сухую траву. Поднялась со скамьи. Ноги были ватными, спину ломило от долгого сидения.

Город зажигал первые фонари — желтые, неживые пятна света. Нужно было идти домой, в темную квартиру, где на столе лежит вызов из училища, пахнущий канцелярским клеем и безнадежностью. Идти туда, где больше никогда не раздастся его голос.

Она пошла по аллее, прямая, похожая на тростинку, которую вот-вот сломает налетевший порыв горячего ветра. И никто из встречных прохожих не мог знать, что идет вовсе не девочка-подросток, потерявшая лето, а человек, навсегда прощающийся со своей юностью.

Поступление

В нашем ПТУ №3 произошло ЧП районного масштаба.

На первый курс, в группу «Трактористы широкого профиля», поступила Кристина Смирнова.

До этого момента самой большой трагедией училища был Витя, который на спор съел тормозную колодку от МТЗ-80 и доказал комиссии, что она диетическая.

Но Кристина затмила даже его. Она пришла на линейку в розовых уггах, с маникюром цвета «вырви глаз» и сумочкой, в которой теоретически могла поместиться только кредитка и презерватив, но никак не мозолистая рука пролетария.

— Девочка, ты дверью ошиблась? — спросил её мастер производственного обучения Михалыч, человек, чья борода помнит целину.

— Тут учат крутить гайки на морозе минус сорок. Романтика тут пахнет соляркой и ужасом.

Кристина поправила волосы, которые стоили как коробка передач для КАМАЗа, и сказала:

— Я к земле тянусь. Устала от этих ваших токсичных офисов. Хочу честной мужской профессии. И чтобы ватник выдали казенный, а то мой пуховик к дизелю липнет.

Староста группы, Лёха по прозвищу Валенок, посмотрел на неё так, как комбайн смотрит на ландыш посреди пшеничного поля.

То есть с недоумением и желанием перемолоть.

Учебный процесс дал трещину в первый же день. Преподаватель черчения Семён Аркадьевич пытался объяснить допуски и посадки.

— Вот смотрите, дети. Вал входит во втулку…

— Это очень смелое заявление, Семён Аркадьевич, — перебила его Кристина из-под нарощенных ресниц. — А согласие втулки спрашивали? У нас сейчас век консенсуса.

В аудитории наступила такая тишина, что было слышно, как у завхоза в подсобке падает моральный дух.

На физкультуре группе нужно было подтянуться.

— Кто двадцать раз сделает, тому зачет автоматом, — прохрипел физрук.

Лёха-Валенок покраснел, надулся, побагровел и сделал три.

Кристина подошла к турнику, элегантно скинула угги, достала из сумочки магнезию (розовую), подпрыгнула и сделала выход силой на две руки, затем солнце, затем села на шпагат прямо на перекладине.

— А можно мне зачет автоматом за артистизм? — спросила она, болтая ножкой над головами одногруппников.

С тех пор физрук пьет корвалол не после работы, а вместо.

Но главный катаклизм случился на практике. Выкатили они во двор тридцать девятый по счету учебный трактор «Беларус». Синий, гордый, единственный в автопарке экземпляр, у которого заводилась третья передача.

Михалыч показал куда нажимать.

— Сцепление, первая, плавно газ. Главное — чувствовать машину. Она живая.

Кристина кивнула, забросила ногу на педаль сцепления, словно садилась на лошадь дорогого эскорта, повернула ключ и воткнула сразу четвертую.

Трактор взревел не как сельхозтехника, а как раненый тиранозавр, которому наступили на хвост. Он выплюнул облако черной гари, встал на дыбы, проехал десять метров боком и боднул старый тополь.

Подушки безопасности в тракторе конструкцией предусмотрены не были, поэтому сработала подушка удивления самого Михалыча.

Когда пыль осела, Кристина сидела за рулем, невозмутимо глядя в разбитое зеркало заднего вида.

— Кажется, синхронизаторы накрылись, — констатировала она. — И кардан немного гуляет. Зато какой драйв! Гораздо лучше, чем йога с дыханием маткой.

Теперь Кристина — звезда училища.

Местные механики носят ей кофе в термосах и пытаются объяснить устройство коленвала языком Пушкина, отчего сами начинают писать ямбом. Лёха-Валенок носит за ней сумку с инструментами, называет исключительно «шеф».

Михалыч махнул рукой и купил себе беруши. Говорит, пока эта девочка не научится отличать дифференциал от дефибриллятора, спать он будет только дома.

Но втихаря гордится.

Потому что когда Кристина чинит топливный насос, стоя по локоть в мазуте и матерясь голосом пьяного боцмана, это выглядит настолько гармонично, что плакать хочется. От смеха и легкой тревоги за будущее отечественного сельского хозяйства.

1 сентября

Первое сентября в ПТУ имени трижды героя социалистического труда Мымрина — это вам не физмат лицей.

Здесь линейку проводят на заднем дворе, между стендом «Сварщик года» и ржавой бочкой для сбора дождевой воды. Воздух пахнет гарью и будущим величием страны.

Директор вещал про импортозамещение. Текст у него был хороший, написанный отделом молодежной политики: про цифровую экономику, беспилотные комбайны и то, что тракторист сегодня — это звучит гордо, почти как сисадмин, только чище.

Будущие ученики кивали. Точнее, их затылки кивали. Лица парней были направлены строго горизонтально.

На уровне метра двадцати от асфальта проходила новая государственная граница мужского внимания.

В первом ряду стояла Кристина, она приехала учиться крутить гайки размером с кулак.

Для торжественного случая Крис выбрала розовые угги и юбку, которая по документам числилась широким поясом.

Угги утонули в сентябрьской грязи еще на подходе к плацу, превратившись в два комка серой глины с редкими островками искусственного меха.

Это придавало образу суровый индустриальный шарм.

А вот мини-юбка вела себя как живой организм со склонностью к эксгибиционизму.

Северный ветер, местный хулиган и стукач, дул порывами.

Каждый раз, когда директор повышал голос до патетического крещендо, говоря о нехватке квалифицированных кадров в сельском хозяйстве, порыв ветра делал изящный реверанс и задирал подол Крис выше ее собственных амбиций.

Парни стояли во втором ряду.

В строю ПТУ-шников есть железное правило выживания: смотри прямо перед собой, моргай только левым глазом, делай лицо человека, глубоко задумавшегося о смысле дифференциального исчисления.

Но природа сильнее устава. Взгляды пацанов стекались к ногам Кристины, как вода в сливное отверстие.

— Запомните! — гремел Михалыч, размахивая руками так, будто пытался взлететь или отбиться от невидимой осы. — Трактор любит ласку, чистоту и смазку! Кто прогулял лекцию по технике безопасности, тот будет нюхать солярку до самой пенсии!

В этот момент ветер совершил особенно коварный маневр. Юбка Кристины взмыла вверх, продемонстрировав собравшимся архитектурный ансамбль района трусиков цвета фуксии с котиками.

Стоящий рядом с ней Витя по кличке «Штангенциркуль» икнул.

Его сосед, Дима, будущий специалист по ремонту топливной аппаратуры, забыл закрыть рот. Слюна потекла ему на новую тельняшку.

Парни напрочь выпали из реальности. Они пропустили ту часть речи, где говорилось, что стипендия теперь выдается талонами на овес, а за опоздание на первую пару будут расстреливать взглядом мастера производственного обучения.

Зато они выучили анатомию Кристины лучше, чем устройство карбюратора ДВС.

Михалыч краем глаза заметил деморализацию строя. Он обернулся, проследил направление трех десятков остекленевших взглядов, тяжело вздохнул и прервал речь на полуслове.

— Так, — сказал он неожиданно нормальным человеческим голосом, без всякого металла. — Про форсажные режимы я потом дочитаю. Линейка окончена. Группа номер один,

будущая элита отечественного агрокомплекса, бегом в мастерские. Будете перебирать коробку передач от старого «Кировца». Она весит больше, чем весь ваш девятый «Б».

И добавил, глядя почему-то на грязные розовые угги:

— А ты, пигалица, после пар зайдешь ко мне в кабинет. Я тебе штаны выдадут. Спецовочные. Утепленные. Ватные. Чтобы твоя цифровая экономика хотя бы до ноября не простудилась. И угги свои… постирай, что ли. Или сразу сожги.

Кристина одернула юбку, невозмутимо кивнула и пошла вслед за всеми.

Шла она походкой лани, которой абсолютно наплевать на встречный ветер, тяжелое машиностроение и судьбу отечественной промышленности. За ней тянулся строй будущих механизаторов. Пацаны шли медленно, шаркая берцами, низко опустив головы. Им нужно было срочно осмыслить увиденное и заново научиться дышать носом.

А директор смотрел им вслед и думал, что план по набору первокурсников в этом году перевыполнен на сто процентов исключительно благодаря отсутствию чувства меры у одной малолетней жительницы и законам аэродинамики.

Главное теперь — чтобы эти балбесы научились отличать коленвал от распредвала до того, как окончательно свернут шеи.

Общага

Я всегда думал, что трактористки рождаются в ватниках.

Прямо из кабины «Белоруса», с запахом солярки в пуповине и намертво въевшейся под ногти землей. Но министерство сельского хозяйства решило освежить генофонд и набрало экспериментальную группу.

Розовые угги. Мини-юбка такой длины, что если Кристина наклонится за упавшим ключом на 17, аграрный сектор страны рискует остаться без субсидий. Красивый бюст пятого размера. И море обаяния.

Кристина шла по коридору ПТУ №3 как по Миланской неделе моды.

— Девушка, — окликнул ее комендант общежития, старушка Баскервилей, почесывая седалищную мозоль через халат. — У нас тут казарма для будущих механизаторов. Шпильки запрещены техникой безопасности, каблуком можно сцепление пробить.

— Это не шпильки, — фыркнула Кристина, поправляя волосы цвета лососины. — Это австралийская овчина. И вообще, я на гусеничника учусь. Мне главное, чтобы педали чувствовать.

Старушка Баскервилей посмотрела на её педали, икнула и молча выдала ключ от четыреста двенадцатой комнаты. Сказала только: «Там уже занято койко-место. Снизу».

Общага пахла жареной картошкой, тоской и средством для мытья полов «Золушка».

Кристина толкнула дверь. На нижней койке сидело Оно.

Оно было ростом метр пятьдесят в прыжке, шириной с газовый баллон и имело лицо человека, который всю жизнь питался исключительно канцелярским клеем. Волосы у соседки были заплетены в две косички так туго, что глаза навсегда остались навыкате, придавая ей удивленное выражение лица глубоководной рыбы-капли. Одета она была в футболку с надписью «Я люблю ОРГАНИЧЕСКУЮ ХИМИЮ» и спортивные штаны с пузырями на коленях размером с средний арбуз.

— Здрасьте, — сказала Рыба-Капля басом, которым обычно вызывают кран-балку. — Я Валюха. Будем спать валетом или сразу крест-накрест?

— Ты кто? — просипела Кристина, роняя розовую сумочку со стразами. Сумочка упала в лужу чего-то неопознанного и умерла мгновенно.

— Валька-Поршень. Группа ДВС-4. Меня к тебе селят, потому что ты самая мелкая в блоке. Комендант сказал, если тебя сверху придавит, будет меньше уборки. А еще у меня ночное апноэ и лунатизм. Если ночью встану и начну жевать твою челку — это нормально, просто организм требует клетчатки.

Кристина села на свою кровать. Кровать издала звук лопнувшей рессоры трактора Т-150 и перекосилась на одну сторону.

— Я модель будущего агропромышленного комплекса! — взвизгнула Кристина. — У меня индивидуальное питание! Я сплю на ортопедической подушке!

— Ортопедическая — это хорошо, — кивнула Валюха и достала из тумбочки банку.

В банке плавало нечто бурое, маринованное в собственном ужасе.

— Соленый огурец будешь? Домашний. Мама закатывала, пока папу коллекторы искали. Тут рассол целебный, от него любая городская сыпь проходит. И тараканы дохнут.

Кристина посмотрела на свои розовые угги. Они больше не выглядели символом свободы. Они выглядели как два брошенных посреди Сахары чихуахуа.

В комнату вошла Старушка Баскервилей.

Она несла матрас. Один.

— Второй забыли на складе, — пояснил она. — Или сожгли в прошлом году на Масленицу, не помню. Ляжете валетом. Кто во сне ногами дерется — спит в шкафу. Шкаф широкий, там прошлый курс баян хранил, пока деканат не изъял вместе с плесенью.

Валюха-Поршень радостно загремела банкой.

— Нормально! Я сверху. От меня тепло идет, как от радиатора МТЗ. Плюс, я когда храплю, у меня нос свистит прям в ритме песни «Катюша». Можно даже танцевать. Разучим? Там шаг простой, три притопа, два щелчка…

Кристина тихо сползла с кровати прямо в свое брендовое мини.

Пол был липким от истории этого места. Где-то в конце коридора пьяные первокурсники уже разбирали коробку передач вслепую, матерясь голосами кастрированных бегемотов. За окном начиналась настоящая русская зима — такая, при которой дизельное топливо превращается в камень, а мечты о миланских неделях моды — в лед.

— Ладно, — вздохнула Кристина, глядя на банку с огурцом. — Только уговор. Челюсть мою ночью не трогай. Она мне для карьеры нужна. Буду на тракторе ездить красиво, улыбаться полевым мышам.

— Заметано, — прохрипела Валюха. — Тогда держи пассатижи. Нам еще вчера надо было сливной краник на кухне открутить, а то оттуда вместо кипятка какая-то философия течет. Пойдем, коллега. Механизация сама себя не начнет.

Парни

В нашем ПТУ имени трижды героя социалистического труда товарища Мымрина учат на сантехников, маляров и трактористов.

Трактористы — это элита. У них в мастерской пахнет соляркой так густо, что мухи дохнут на подлете к форточке.

И вот среди двадцати девяти единиц мужского пола, собранных со всей области по принципу «кто не сдал ЕГЭ, тот крутит гайки», появилась Кристина.

Она похожа на скандинавскую богиню урожая, если бы ту уронили лицом в мешок с комбикормом, а потом отмыли средством для мытья посуды. Глаза синие, как антифриз, коса толщиной с выхлопную трубу старого «Белоруса». И главное — она единственная девушка на потоке.

Первым пал Вадик. Он всегда был тихим, собирал макраме из проволоки.

На третий день обучения он подошел к Кристине, пока та пыталась отличить карданный вал от коленвала, посмотрел на ее ухо и сказал басом:

— Девушка, у вас там… перхоть.

Все замерли.

Потому что никакой перхоти там не было. Там была идеальная линия шеи. Это был акт высшего самопожертвования.

Вадик понимал: если он скажет просто «красивая», его сожгут в кабине учебного ДТ-75. А так он обозначил территорию через мелкую бытовую претензию. Стал альфа-самцом поневоле.

С этого дня училище превратилось в брачный период у лосей, только вместо рогов использовали разводные ключи на тридцать два.

Дикий мордобой начался с пустяка.

Преподаватель Михалыч, человек с лицом из прессованной ржавчины, спросил:

— Кто поедет менять колесо на полигоне? Там яма, грязь по колено, комары размером с курицу.

Вызвались все двадцать девять.

Одновременно. Образовав кучу-малу прямо на учительском столе.

Михалыч такого не видел с девяносто третьего года, когда местный агроном пытался расплатиться за ремонт комбайна тремя свиньями и идеей вечного двигателя.

Битва за Кристину велась партизанскими методами.

Макс по прозвищу Сварщик (потому что у него один глаз стеклянный после неудачной практики) решил брать харизмой.

Он украл в столовой компот, перелил его в канистру из-под тосола и демонстративно пил на перемене, глядя на Кристину. Мол, мне любая химия нипочем, я ради тебя могу выпить отработку. Кристина вежливо попросила оставить ей крышечку.

Братья-близнецы Колян и Толян пошли путем технического превосходства. Они разобрали до рамы старенький «Владимирец» и собрали из него нечто среднее между танком и газонокосилкой. Назвали «Кристиночка».

Планировали выехать на ней во двор, сделать круг почета и эффектно тормознуть у крыльца. Но перепутали провода зажигания с проводами звукового сигнала.

Когда они завели мотор, чтобы подъехать к девушке, машина оглушительно бибикнула, дала задний ход и въехала в сортир типа «скворечник» на заднем дворе.

Любовь требует жертв, но туалет мы восстанавливали всем курсом неделю.

Апогеем стал урок по устройству двигателя внутреннего сгорания.

Вызывают Сидорова. Сидоров выходит к плакату, где нарисован поршень, тычет в него пальцем и говорит:

— Этот… ну… который юбкой вверх… Короче, Кристин, хочешь, я тебе после пар мост переберу? У меня и съемник есть.

Препод выгнал Сидорова за профнепригодность. Следующим пошел Жека.

Тот вообще молчал всю теорию, а на практической части собрал карбюратор в форме сердечка. Карбюратор отказался заводиться в принципе, зато выглядел очень трогательно.

Самое удивительное, что самой Кристине трактор был нужен исключительно для того, чтобы ездить в деревню к бабушке за пирогами.

Она единственная во всем здании знала разницу между свечой накаливания и восковой церковной свечой, потому что дома читала книжки. Пока пацаны мерялись тем, кто дольше продержит руку на раскаленном глушителе, она втихаря сдавала все нормативы на отлично.

Линейка

Первое сентября в ПТУ имени трижды героя социалистического труда Мымрина — это вам не хухры мухры.

Здесь линейку проводят на заднем дворе, между стендом «Сварщик года» и ржавой бочкой для сбора дождевой воды.

Воздух пахнет гарью и будущим величием страны.

Директор вещал про импортозамещение.

Главное теперь — чтобы эти балбесы научились отличать коленвал от распредвала до того, как окончательно свернут шеи.

Первое сентября в ПТУ имени трижды героя социалистического труда Мымрина пахло мокрым асфальтом, дешевой краской и безысходностью. Директор с лицом печеной картофелины уже третий час рассказывал первокурсникам про светлое будущее страны, которое они построят своими мозолистыми руками.

В аудиторию механизации сельского хозяйства номер три Михалыч вошел ровно по звонку. Это был человек, собранный из гаечных ключей, табачного перегара и вселенской тоски.

Он обвел взглядом тридцать лбов — будущих повелителей гидравлики и дизельного топлива.

— Значит так, салаги, — просипел Михалыч, вытирая руки о промасленную ветошь, которая когда-то была белым халатом. — Трактор «Кировец» семьсот пятьдесят первая модель весит одиннадцать тонн. Если он наедет вам на ногу, нога станет плоской, как блин от штанги. Кто не понял физику процесса, может подойти после пары, я нарисую вектор сил мелом на спине. Записываем: коленвал…

Михалыч говорил что-то еще про фазы газораспределения, крутящий момент и карданный вал.

Парни ничего этого не запомнили.

Потому что ровно посередине аудитории, за третьей партой среднего ряда, сидела Кристина, и выглядела выглядела она на двадцать два года абсолютной недосягаемости.

На ногах у Кристины были розовые угги.

В нашем суровом краю, где нормальная обувь должна выдерживать контакт с коровьей лепешкой и арматурой, это смотрелось как высадка инопланетян.

Но настоящий культурный шок вызывала юбка. Юбки такой длины обычно носят карманные собачки для защиты от ветра.

Или официантки в заведениях, куда заходят только очень грустные миллионеры.

С точки зрения геометрии парта скрывала ровно ноль процентов Кристины.

Она села идеально перпендикулярно взглядам мужской части группы.

Леха по кличке Валенок, который до училища видел женщин преимущественно на этикетках сгущенки, перестал дышать.

Его сосед Саня забыл, как моргать. У всей группы синхронно пересохло во рту.

Михалыч заметил перемену в атмосфере.

Обычно на его лекциях мухи со стыда разбивались о стекло, а тут класс гудел, как трансформаторная будка.

— Так! — рявкнул мастер, хлопнув кулаком по столу. Звук вышел сухой, как выстрел из воздушки. — Куда смотрим? Я кому про систему смазки объясняю?! Смазка, Петров, это тебе не подсолнечное масло в салат лить! От нее жизнь механизма зависит!

Петров, рыжий детина с руками-лопатами, вздрогнул и попытался сфокусировать взгляд на доске. Глаза предательски съезжали обратно, к геометрическому центру аудитории.

— Чего скосился? — зарычал Михалыч, проследив направление общего взгляда. — А ну, глаза в тетрадь! Вы будущие механизаторы или кто? Вам через год эту страну кормить! Бороновать! Пахать!

Класс виновато уткнулся в конспекты. Карандаши заскрипели. На секунду показалось, что дисциплина восторжествовала. Но потом Кристина закинула ногу на ногу.

Это событие вызвало локальный гравитационный сдвиг.

Леха-Валенок издал горлом звук спускающего воздушного шарика.

Где-то сзади упал циркуль.

Михалыч медленно положил мел. Подошел к кафедре. Посмотрел на Кристину долгим, тяжелым взглядом человека, который однажды засунул руку в работающий комбайн и чудом ее сохранил.

— Девушка, — ласково, почти нежно сказал он. Голос его стал похож на урчание того самого «Кировца». — Как ваша фамилия?

— Кристина, — пискнула будущая трактористка, впервые за урок потупив взор.

— Фамилия, спрашиваю, — повторил Михалыч, снимая с гвоздя свою личную, именную монтировку.

— Смирнова.

— Значит так, Смирнова, — Михалыч подошел вплотную к ее парте. Парни затаили дыхание, ожидая публичной казни. — Ты вот сейчас чем думаешь заниматься?

— Учиться… На трактористку… — пролепетала Кристина.

— Правильно мыслишь, — кивнул мастер. Он оперся руками о ее парту, нависая над девушкой.

— Только учиться мы будем чуть иначе, чем ты привыкла. Видишь этот агрегат?

Он ткнул пальцем в сторону плаката с разрезом двигателя внутреннего сгорания.

— Это Д-240. Дизель. Объем четыре и семь литра. Сто лошадиных сил. Чтобы эта дура завелась в минус тридцать, аккумулятор должен быть живой, клеммы чистые, а контакты сухие. Поняла меня?

— Да… — прошептала Кристина.

— Вот и славно, — улыбнулся Михалыч, демонстрируя нехватку переднего зуба. — Раз поняла теорию контакта, иди сюда. Будешь осваивать практику.

Он взял девушку за руку своей ладонью, твердой как подошва кирзового сапога, и поволок к верстаку.

— Надевай, — он сунул ей в руки огромные сварочные краги, похожие на боксерские перчатки для мутантов.

— Зачем? — испуганно спросила Кристина, глядя на свои идеальные ногти цвета фуксии.

— Затем, красавица, — отечески прогудел Михалыч, — что если ты придешь на посевную в этих своих домашних тапочках, твой первый же палец найдет плуг. И искать его будут долго, всем районом. А мини твоя… Мини — это хорошо. Аэродинамика улучшится, сопротивление ветру меньше, расход солярки упадет. Но сегодня мы учимся гайки крутить. Гайка, Смирнова, холодная, железная и совершенно равнодушна к твоему педикюру.

Он пододвинул к ней ящик с болтами размером с сосиску.

— Задача простая. До конца пары собрать мне вот этот фланец. Пока не соберешь — перемена не начнется. А парни пускай пока законспектируют главу про трансмиссию. Им полезно, у них от гормонального сбоя зрение село.

Парни разочарованно вздохнули и открыли учебники. Розовые угги остались сиротливо стоять под партой. Сама Кристина, пыхтя и морщась, пыталась удержать огромными крагами крошечный болт.

Михалыч вернулся за кафедру, посмотрел на мучения группы, затянулся воображаемой папироской и пробормотал себе под нос:

— Ничего. Через месяц в ватнике будет бегать, глазищи такие же наглые, зато пальцы целые. Хорошая смена растет. Главное, чтобы сцепление вовремя выжимала.

В ПТУ имени трижды героя социалистического труда Мымрина первый звонок звучал как приговор. Директор, человек с лицом невыспавшегося бульдога, вещал про преемственность поколений и чугун в голосе на уроке.

Михалыч встретил нас в кабинете сельхозмашин. Сам он выглядел как запчасть, забытая под верстаком еще при Брежневе — серый, мятый, но надежный.

— Значит так, салаги, — просипел Михалыч, вытирая руки о штаны, которые когда-то были синими. — Жизнь коротка, а коленвал вечен, если его вовремя протягивать. Кто будет спать — пойдет менять гильзы на улице. Там минус пять. Записываем: поршень — это такая железная чушка…

На этом месте мужская часть группы потеряла связь с реальностью.

Прямо по центру класса сидела Кристина, и взгляд у нее был такой, будто она уже вчера отсудила у кого-то алименты. На ногах — розовые угги. В нашей местности такую обувь носят либо принцессы, либо люди, которые планируют передвигаться строго на вертолете. Из-под пуховика торчала мини-юбка. Юбка была настолько концептуальной, что выполняла исключительно декоративную функцию. Она просто обозначала наличие талии.

Михалыч говорил про фазы газораспределения. Парни кивали.

Если бы сейчас Михалыч спросил, сколько камер сгорания у сердца любимой женщины, мы бы ответили хором. Потому что камеры находились примерно на уровне третьей пуговицы ее рубашки. Геометрия аудитории выстроилась идеально: Кристина закинула ногу на ногу, создав для тридцати пар глаз непреодолимый оптический барьер. Физика процесса объяснялась просто: преломление света на капроне нулевой плотности убивает нейроны коры головного мозга.

— Так! — рявкнул Михалыч, почуяв неладное. — Я вам тут не стриптиз-бар «У старого плуга»! А ну, глаза в тетрадь! Смирнова, ты чего там причмокиваешь? О зазорах клапанных мечтаешь?

Смирнова вздрогнула и попыталась нарисовать в конспекте трактор. Получилось похоже на рыбу.

Чтобы вернуть нас в суровую реальность материального мира, мастер пошел на крайние меры. Он подошел к шкафу и достал оттуда деталь.

— Вот, — сказал Михалыч, грохая на парту перед Кристиной кусок ржавого железа весом килограмма в три. — Это фланец. Соединительная часть трубопровода. Задача простая. До конца пары собрать схему соединения на четыре болта. Шайбы не перепутай, деревня. Гроверы ставим обязательно, иначе вибрацией разболтает.

Класс замер.

Это был экзамен свыше.

Женщина-механик в розовых тапках против тяжелой промышленности.

Кристина брезгливо потыкала фланец ногтем.

— Он грязный, — сказала она.

— Жизнь вообще грязная штука, особенно после посевной, — философски заметил Михалыч. — Приступай.

Кристина надела нитриловые перчатки размером с презерватив. Попыталась взять болт. Болт выскользнул и упал на пол.

Она нагнулась за ним.

В классе наступила абсолютная, космическая тишина.

Слышно было только, как где-то в коридоре капает вода и как у Лехи-Валенка хрустнула поясница от попытки заглянуть в декольте сверху вниз.

Михалыч сложил руки на груди.

Он смотрел на процесс сборки государственного масштаба.

Кристина пыталась совместить отверстия. Руки в огромных перчатках слушались плохо. Болты падали. Шайбы катились под соседние парты. Парни готовы были сами нырнуть за ними туда, лишь бы еще раз увидеть этот наклон.

— Не держится, — пропыхтела Кристина через десять минут. Лицо ее пошло красными пятнами. Розовые угги яростно пинали ножку стула.

— Конечно, не держится, — ласково, как душевнобольным, объяснил Михалыч. — У тебя усилие затяжки какое? Ты ж его гладишь, а надо тянуть моментом в сорок ньютон-метров. Дай сюда.

Он забрал у нее ключ. Подошел вплотную. От него пахло соляркой, одеколоном «Шипр» и безнадегой. Одной рукой он придерживал фланец, другой ловко насадил первый болт.

Парни смотрели только на Кристину.

Вернее, на ту часть перспективы, которая открывалась поверх чертежного листа. Для всей группы это был лучший урок черчения в жизни. Мы отлично рассмотрели анатомию будущей трактористки. Коленный сустав работал безупречно даже в положении полу наклона.

Звонок прозвенел спасительным набатом.

Михалыч разогнулся, вытер лоб ветошью. Посмотрел на свой результат. Два болта наживлены, один валяется на столе, четвертый исчез в неизвестном направлении.

— Ну вот, — удовлетворенно кивнул мастер. — На тридцать процентов агрегат собран. Прогресс налицо.

Он повернулся к классу. Мы мгновенно сделали умные лица и уткнулись в пустые тетради.

— Что я сегодня рассказывал, обмороки? — прищурился Михалыч.

Леха-Валенок поднял руку.

— Про коленвал?

— Какой именно параметр коленвала?! — взревел Михалыч.

Леха побледнел. По его лбу тек пот. Он честно пытался вспомнить физику, но память подсовывала только стройные ноги в розовом меху.

— Длинный он… — выдавил Леха.

Класс лег. Даже Кристина фыркнула.

— Понятно, — вздохнул Михалыч. — Завтра всем принести по флакону тормозной жидкости. Будем лечить близорукость принудительно. А вас, барышня, я попрошу остаться. Научу затягивать гайки взглядом. Кажется, это единственное, что у вас получается эффективно.

В ПТУ имени трижды героя социалистического труда Мымрина пахло мокрыми тряпками и разбитыми надеждами.

Директор с лицом высохшего гербария уже час рассказывал первокурсникам про продовольственную безопасность страны.

В кабинете тракторных узлов Михалыч пытался привить тридцати лбам любовь к металлу.

— Записываем, — сипел мастер. — Фланец — это не ругательство, а диск с дырками. Он соединяет трубы так, чтобы соляра текла в мотор, а не вам на ботинки. Кто перепутает прокладку с гровером, пойдет менять гильзы под дождем.

Михалыч говорил про допуски и посадки.

Парни записывали только «посадки».

Потому что прямо по центру класса, нарушая все законы аэродинамики и техники безопасности, сидела Кристина, взгляд у нее был как у кассирши, которая видела в жизни всё.

На ногах — розовые угги. В нашем аграрном секторе такую обувь носят либо феи, либо люди, которые планируют передвигаться строго внутри кабины импортного комбайна. Из-под куртки торчала мини-юбка размером с салфетку для снятия макияжа.

Чтобы вернуть мужскую часть группы из астрала в материальный мир, Михалыч совершил педагогический подвиг. Он подошел к шкафу и достал оттуда фланец от гидравлики старого «Белоруса».

Деталь весила килограммов пять, была покрыта мазутом времен первой чеченской войны и выглядела устрашающе.

— Вот, — сказал он, бряцая железом о парту перед Кристиной. — Задача простая. Будем тренироваться, пока не соберешь! Собрать надо, девушка, схему соединения. Четыре болта М12, две граверные шайбы, одна паронитовая прокладка. Время пошло.

Класс замер.

Это был гладиаторский бой.

Цивилизация против тяжелой промышленности.

Кристина посмотрела на деталь так, как смотрят на таракана в ванной.

Она надела перчатки, которые ей выдал мастер. Перчатки были сорок восьмого размера, рассчитанные на руки, которыми валят лес. На фоне ее маникюра цвета «вырви-глаз» они смотрелись как воздушные шары.

Она попыталась взять болт. Болт выскользнул и упал на пол со звуком упавшей крышки канализационного люка.

Кристина нагнулась за ним.

В аудитории наступила клиническая смерть. Слышно было только, как жужжит муха и как Леха-Валенок пытается протолкнуть ком в горле. Михалыч скрестил руки на груди. Он стоял над душой студентки, как памятник павшим тракторам.

— Выше локтя работай, — буркнул он. — Кистью сорвешь резьбу.

Кристина совместила отверстия. Попыталась насадить первый болт. Резьба не шла. Она начала вкручивать его силой. Металл визжал.

— Не лезет, — пропыхтела она через три минуты борьбы.

— Конечно, не лезет, — ласково ответил Михалыч. — Ты его поперек нарезки суешь. Вытаскивай. Смазкой кончик помажь.

— У меня гигиеническая есть, клубничная, — честно призналась Кристина.

— Давай сюда свою клубнику, — вздохнул мастер. — Хуже не будет.

Она капнула красной липкой субстанцией на шпильку.

Михалыч посмотрел на это безобразие, перекрестился внутренне и взял гаечный ключ сам, чтобы показать пример.

Одной рукой он придерживал тяжелый фланец, другой ловко загнал два болта.

Парни смотрели не на механику процесса. Для всей группы это был лучший урок анатомии за одиннадцать лет школы.

Все отлично рассмотрели архитектуру будущей трактористки. Коленный сустав работал идеально даже при экстремальном наклоне корпуса.

Звонок прозвенел спасательным кругом.

Михалыч разогнулся, вытирая лоб грязной ладонью. Посмотрел на свой результат. Два болта затянуты намертво. Третий лежал на столе. Четвертый исчез в пространстве-времени. Прокладку Кристина вообще куда-то засунула (позже ее найдут приклеенной к подошве розового уггга).

— Ну вот, — удовлетворенно кивнул мастер. — Тридцать процентов готовности. Прогресс налицо. Почти. Ну ладно, научишься. Медведей учат трактора водить.

Он повернулся к классу. Мы мгновенно сделали лица людей, решающих теорему Ферма.

— Что я сегодня объяснял? — прищурился Михалыч.

Леха-Валенок поднял руку. По его лицу было видно, что он сейчас умрет или признается в любви.

— Про посадку?

— Какую именно посадку?! — взревел Михалыч.

— Глубокую… — прошептал Леха.

Класс лег на парты.

— Понятно, — махнул рукой Михалыч. — Завтра всем принести по банке литола. Будем смазывать извилины. А вас, барышня, я попрошу остаться. После уроков будем тренировать момент затяжки. Кажется, вашим нежным рукам нужно просто привыкнуть к хорошему, твердому железу.

Жалоба

Комната комендантши общежития ПТУ №3 напоминала Центр управления полетами в НАСА, если бы его финансировали по остаточному принципу. На стене висел ковер с оленями, который помнил еще Брежнева, а под ним стоял системный блок, гудящий как турбонаддув старого «Кировца».

Старушка Баскервилей — так её звали студенты за глаза, потому что от её взгляда у первокурсников самопроизвольно развязывались шнурки и начинался тремор конечностей — сидела в кресле-качалке.

В одной руке она держала спицы, которые со свистом рассекали воздух. Из-под них выползало нечто серое, суровое и колючее, способное натереть мозоль даже чугунной статуе Дзержинского. Это был носок. Второй такой же уже сох на батарее и пугал тараканов своей фактурой.

Перед старушкой светились четыре монитора. Камера номер один: кухня. Там кто-то варил пельмени в чайнике.

Камера номер два: душевая. Там мылись философы из группы автомехаников, обсуждая смысл бытия сквозь клубы пара. Камера номер три: коридор третьего этажа. Там катили огнетушитель, используя его как скейт.

Дверь скрипнула. Вошла Кристина. Розовые угги остались в прихожей — Старушка Баскервилей ввела запрет на цветную обувь после того, как учащийся перепутал розовый сапог с ветошью и протер им карбюратор.

— Марья Степановна, — начала Кристина, теребя ремешок сумочки, которая стоила больше всего этого здания вместе с фундаментом. — Я не могу так жить. У меня нервный тик начинается. Ресницы сами собой делают вприсядку.

— Садись, селедка, — не отрывая глаз от монитора номер четыре (там Надя пыталась запихнуть в микроволновку велосипедную цепь), сказала комендантша. — Чай будешь? С мелиссой. Успокаивает. И глисты гонит.

— Какой чай! — взвизгнула Кристина. — Ваша Валюха храпит! Она когда спит, у неё поршни стучат прямо в теменную долю! Как будто внутри трактора «Беларус» идет процесс спаривания деталей! Я заснула только под утро, когда у неё бензин кончился. А до этого она во сне чинила коленвал и материлась голосом моего покойного дедушки!

Старушка Баскервилей щелкнула мышкой. Монитор номер четыре приблизил лицо Валюхи.

Та уже лежала поперек кровати, раскинув руки, и издавала звук, которым обычно проверяют давление в шинах КАМАЗа. Рядом на полу валялись гаечные ключи.

— Нормальный женский храп, — пожала плечами Марья Степановна, вывязывая пятку. — У нее отец дальнобойщик, мать — компрессорная станция. Это генетика, деточка. Её в роддоме сразу положили на ящик с инструментами для акустической настройки. Ты просто девочка нежная, городская. Тебя пугает честный механический труд.

— При чем тут труд?! — всплеснула руками Кристина. — Ко мне сегодня ночью мальчик приходил! Третий раз за неделю! И ладно бы, чтобы любовью заниматься. Нет. Они там вдвоем с Валюхой сидят, едят мой сервелат, который я маме поклялась беречь, и смотрят видосы про восстановление глушителей! А потом он ногу на мою ортопедическую подушку положил! Я чуть не родила от ужаса прямо в пижаму с единорогами!

Марья Степановна остановила спицы. Олени на ковре за её спиной, казалось, навострили уши.

— Мальчик — это какой? — медленно спросила она. — Не тот ли, у которого бицепс размером с грецкий орех, зато кепка сидит идеально?

— Тот самый! Лёлик! Он пахнет дешевым одеколоном и отчаянием!

Комендантша тяжело вздохнула, отложила вязание. Носок упал на пол и звучно ударился о линолеум, как кусок рельса.

— Кристина, — сказала она тоном следователя НКВД. — Посмотри вон туда. Видишь камеру номер семь? Мужской туалет, левая кабинка. Вот уже сорок минут там сидит доцент кафедры сопромата. Он прячется от жены. Жена думает, он на симпозиуме в Саратове. Если я сейчас нажму кнопку вызова сантехников, его жизнь рухнет. Но я не нажимаю. Потому что я понимаю сложную мужскую душу.

Она взяла кружку с остывшим чаем и сделала глоток.

— Теперь смотри сюда. Валюха-Поршень. Сирота при живых родителях. Мать пьет настойку боярышника с соседкой, отца коллекторы пустили на запчасти. Девка жрет макароны без масла, но ей хочется любви. Большой, чистой и желательно с тем, у кого есть доступ к дефицитному литолу. Этот твой Лёлик дает ей иллюзию нужности. Она водит его к тебе, потому что ты красивая. Ей кажется, что красота — это пропуск в нормальную жизнь. Она рядом с тобой дышит другим воздухом.

— Мне плевать на ее метаболизм! — топнула ногой Кристина. — Я хочу спать! У меня завтра экзамен по устройству топливного насоса высокого давления! Я должна знать, где там форсунка, а я знаю только, как звучит ночной храп дизельного двигателя в стадии клинической смерти!

Старушка Баскервилей хитро прищурилась. Глаза ее блеснули желтым светом, точь-в-точь как противотуманки уазика-буханки.

— Так, — сказала она. — Иди в каптерку. Возьми там беруши. Настоящие, авиационные, которыми слесари пользуются, когда гидропресс запускают. Они выглядят как две гусеницы, но отсекают децибелы лучше бетонной стены.

— Спасибо, — выдохнула Кристина.

— Погоди благодарить, — перебила комендантша. — Второе. Вот тебе пакет. Тут пирожки с капустой. Пойдешь сейчас к Валюхе. Положишь их на тумбочку. Скажешь: «Валя, это тебе от бабушки. Ешь, пока теплые. Только не ешь на ночь, а то опять распредвал заклинит».

Она расчувствуется. Девки-сироты на домашнюю выпечку реагируют как терминатор на жидкий азот — теряют боевой функционал часа на три. За эти три часа уложишь свой насос в голову. И третье. Лёлика твоего я видела. У него масло подтекает. Левый амортизатор барахлит. Я ему завтра устрою внеплановую проверку КПП. Будет бегать вокруг общаги с учебником по термодинамике вместо свиданий. Свободна.

Кристина взяла пакет с пирожками и авиационные беруши.

— Вы страшный человек, Марья Степановна, — прошептала она с восхищением.

— Я не страшная, милая, — улыбнулась Старушка Баскервилей, снова берясь за спицы. — Я просто тридцать лет отработала мастером цеха на подшипниковом заводе. Меня шумом станков не напугаешь, а любую человеческую дурь я вижу насквозь, как трещину в блоке цилиндров. Иди учи свою форсунку. И носки забери, пригодятся. Зимой полы холодные.

Кристина вышла. Комендантша переключила монитор. На кухне кто-то наконец достал пельмени из чайника. Марья Степановна удовлетворенно хмыкнула и потянулась к четвертой камере.

Кошка

В ПТУ №3 имени трижды Героя Социалистического Труда товарища Мымрина пахло соляркой, вчерашним компотом и безысходностью.

В аудитории для изучения гидравлики сидело 30 будущих повелителей гусениц. Двадцать девять из них конспектировали лекцию о распределительном золотнике.

Кристина тоже делала вид.

Глаза её были открыты на два миллиметра ровно настолько, чтобы не пускать в мозг дневной свет. Уши фильтровали реальность как спам. Преподаватель Марлен Иннокентьевич бубнил где-то на частоте белого шума: «…и вот тут давление падает до трёх атмосфер, что приводит к флаттеру штока, а если бы вы слушали, Смирнова, то знали бы, чем это чревато при развороте на вязком грунте».

Кристина мысленно поставила ему двойку за подачу материала и списала фразу про шток на включенный в углу телевизор.

Там как раз герой боевика говорил заложнице: «Сбрось давление, иначе у нас заклинит шток». Совпадение было подозрительным, но спать хотелось сильнее.

На коленях у Кристины дрыхла кошка Василиса — идеальный симбионт весом в шесть килограммов чистого презрения к системе образования.

Сквозь сон мир казался огромной теплой стиральной машиной.

Кристине снилось, что она пашет целину под Сызранью, солнце жарит, трактор ласково вибрирует. Во сне она сладко потянулась правой рукой назад, нащупала привычную теплую шерстяную складку с торчащим ухом и машинально запустила пальцы в густой мех.

— Кис-кис, — пробормотала Кристина в аудиторию. — За ушком почешу, хорошая моя. И пузико. Ты ж моя жирная булочка…

Пальцы уверенно вошли в ритм профессионального чесания за ухом.

Внезапно сквозь слой тракторного масла и кошачьего счастья прорвалась чужая мысль:

— Девушка, я всё понимаю, авитаминоз, гормоны бунтуют против дифференциального исчисления трактора «Беларус»…

Голос был прямо над ней.

Кристина вздрогнула, просыпаясь окончательно, но рука по инерции продолжила свою благородную миссию.

Она открыла глаза. Прямо перед её лицом маячила бледная лысина.

Лысина принадлежала Марлену Иннокентьевичу. Он наклонился к парте, пытаясь заглянуть студентке в зрачки и проверить пульс.

Рука Кристины в этот момент нежно почесывала макушку преподавателя. Указательный палец совершал идеальные круговые движения точно по темечку, большой — массировал основание черепа.

Время остановилось.

В аудитории стало слышно, как муха планирует суицид об стекло.

Марлен Иннокентьевич замер с открытым ртом. Его лицо медленно наливалось свекольным соком, переходящим в ультрафиолет. Где-то на галерке пискнула отличник.

Кристина перевела взгляд со лба преподавателя на собственную руку. Рука всё ещё была уверена, что гладит Василису. На пальце висел седой волос. Не кошачий.

— Ой, — сказала Кристина.

И тут аудитория взорвалась.

Это был не просто смех.

Это был гомерический хохот двадцати девяти человек, которые поняли, что их скучная жизнь только что окупилась навсегда.

Кто-то рыдал в парту.

Кто-то икал.

Местный дурачок Виталик упал на пол и стал кататься, колотя ногами по линолеуму.

Марлен Иннокентьевич выпрямился так резко, что потерял равновесие и схватился за край стола. Он молчал секунду, две, десять. А потом его плечи затряслись. Он посмотрел на хохочущую группу, потом на Кристину, которая виновато прятала руки под стол, и вдруг сам издал странный квакающий звук.

— Так, — сказал он, когда смог вдохнуть. — Тему флаттера штока мы сегодня явно не осилим. Смирнова. Вы выяснили предел текучести моего скальпа опытным путем. Садитесь, три. Но на экзамен придете первой. Я хочу посмотреть, как вы будете трогать карданный вал с таким тонким пониманием механики.

Кристина села, густо покраснев.

— Марлен Иннокентьевич, — тихо спросила она. — А можно вопрос?

— Валяй, — выдохнул преподаватель, вытирая выступившие от смеха слёзы.

— А почему у вас уши холодные? Василиса обычно теплая.

Аудитория снова легла.

Кажется, кто-то начал вызывать скорую для Виталика.

Вечером Кристина пришла в общагу. Кошка вышла встречать её в коридор, выгнула спину и требовательно мяукнула.

— Отстань, эксплуататорша, — буркнула Кристина, проходя мимо. — У меня теперь профдеформация. Чешу всё, что выше метра восьмидесяти. Пойди лучше к отцу, он как раз ботинки снимает.

Новая соседка

Комната комендантши Марьи Степановны Баскервилей пахла валерьянкой, нафталином и неотвратимостью. Сама старушка сидела в кресле, которое жалобно скрипело при каждом ее вздохе, напоминая стон умирающей панцирной сетки. В руках у неё мелькали спицы. Из-под них лез носок такой суровой вязки, что им можно было чесать спину броненосцу.

Перед Марьей Степановной светился пульт управления судьбами — четыре монитора видеонаблюдения. Камера один: кухня, там жарили мойву на маргарине, из-за чего сработала пожарная сигнализация, но её просто накрыли подушкой. Камера два: душевая. Камера три: коридор, где первокурсник пытался пронести контрабандой кота в футляре от баяна.

Дверь открылась без стука. На пороге стояла Кристина. За неделю она как-то сдулась. Розовые угги потеряли блеск надежды, а мини-юбка выглядела так, будто всю ночь работала ветошью для протирки траков.

— Марья Степановна, — сказала Кристина голосом человека, которого неделю пытали шумом бетономешалки. — Я пишу заявление. По собственному желанию уйти в окно. Валюха-Поршень меня доконала.

Старушка Баскервилей не повернула головы, только щелкнула мышкой. Монитор номер четыре показал Валюху. Она лежала звездой, занимая сто сорок процентов койко-места, и храпела. Это был не просто храп. Это была симфония. Глухой удар поршня о головку блока цилиндров, переходящий в свист турбины на взлете, завершающийся металлическим скрежетом несмазанной цепи ГРМ. Рядом с кроватью стоял график дежурств по капремонту самой себя.

— А-а, селедка моя, — ласково протянула комендантша, довязывая палец на носке. — Что, опять резонансные частоты спать мешают? У нее же внутри дизель-генератор стоит вечный. Ей кислород перекрыть проще, чем заставить этот мотор заглохнуть.

— Какой генератор! — всплеснула руками Кристина. — Я неделю не сплю! Я уже путаю дифференциал с карбюратором! Мне кажется, я сама во сне чихаю сизым дымом! Если сегодня ночью она снова заведется, я возьму монтировку и проведу ей несанкционированную разборку головки блока прямо через одеяло!

Марья Степановна тяжело вздохнула. Спицы остановились. Олени на ковре за её спиной испуганно прижали уши.

— Выселяю, — коротко бросила комендантша. — Надоело мне слушать эти раллийные гонки по ночам. Пишу приказ: «За нарушение акустического режима общежития и попытку собрать трактор марки «Кировец» непосредственно в постели…». Куда тебя девать? А иди жить к кастелянше в каптерку, там всё равно матрасы горелые лежат, звукоизоляция лучше бетонной. Собирай свои розовые тапки, переезжаешь.

— Правда?! — Кристина начала икать от счастья. — Вы лучшая! Можно я вас расцелую?

— Руки убери, — поморщилась Старушка Баскервилей. — От тебя духами несет, как от парфюмерной фабрики. У меня от сладкого сахар в крови поднимается. Иди собирай вещи.

Через час Кристина перетаскивала свою косметику в комнату. Комната встретила её тишиной. Святая, благословенная, звенящая тишина. Кровать стояла ровная. Стены были чистыми. Кристина рухнула на матрас и заплакала от облегчения.

Она проснулась от звука открывающейся двери. На пороге новой жизни стояла Светлана.

Светлане было шестнадцать лет. На правой руке у неё висело обручальное кольцо весом с гайку от железнодорожного полотна. Лицо её выражало абсолютное вселенское спокойствие женщины, которая трижды кипятила чайники со свекровью и знает почем фунт лиха в базарный день. Одета она была в халат леопардовой расцветки, надетый поверх байковой ночной рубашки. В руках — эмалированный таз с мокрым бельем.

— Здрасьте, — басом сказала Света и шмякнула таз на пол. Вода плеснула на Кристинин брендовый рюкзак. — Я ваша новая соседка. Меня комендантша поселила. Сказала, ты тихая.

— Я? — пискнула Кристина, глядя на таз. — Вообще-то это вы тут замужняя женщина…

— Ну да, — кивнула Света, доставая из кармана халата моток бечевки. — Мы с Толиком три года живем. Он сейчас на шабашке, баню кому-то ставит. Баня — дело такое, там без жены никак. То веники замочить, то шайку подать. Так что он будет приходить. Ночевать. Иногда с друзьями. Друзья хорошие, слесаря-сантехники. Очень воспитанные, когда трезвые. Ты носки

сушить будешь — вешай повыше, они любят чистые портянки нюхать, успокаивает нервную систему после работы.

Кристина села. Кровати под ней не было, и физически она ощущала линолеум.

— Как это… ночевать? — прошептала Кристина. — Сюда нельзя мужчин водить! Это женское общежитие!

— Тю, деревня, — усмехнулась Света, начиная выкручивать мужскую фланелевую рубашку прямо над Кристиниными лекциями по гидравлике. — Мужика выгнать — это семью рушить. Семья — ячейка общества. Нам декан сам сказал на собрании: плодитесь и заселяйте целину. Толик говорит, если баба спит одна, у неё энергетика сохнет. Поэтому мы будем спать вместе. На твоей кровати. Потому что моя узкая, я с него ночью скатываюсь, когда он начинает чертежи тракторных плугов на спине пальцем рисовать. Ты не переживай, мы компактно ляжем, поперек. Ноги его тебе на плечо положим, они теплые.

В дверь постучали. Не дожидаясь ответа, вошел Лёлик. Тот самый, который вчера ел сервелат. Увидев леопардовый халат Светы, он сглотнул, покраснел и попытался стать плоским, как лист фанеры.

— Девчонки, я тут мимо шел… — начал он.

— Проходи, зятек, — добродушно гаркнула Света. — Разувайся давай, полы утром мыла. Чайник ставь. Только сахара нет, мы его ложками едим, мешок кончился. Есть карамель «Дюшес», батя с пенсии принес.

Лелик посмотрел на Кристину глазами брошенного щенка.

— Кристин, — прохрипел он. — Может, я того… обратно? К Поршню? Там хоть гаечные ключи знакомые…

— Стоять, — рявкнула Света. — Сказано — проходи. Будешь помогать мне кальсоны мужа полоскать. А то радикулит прихватил, разогнуться не могу.

Кристина посмотрела на монитор комендантши мысленным взглядом. Где-то там, в холодной каптерке среди горелых матрасов, блаженно улыбалась во сне Валюха-Поршень. Её внутренний двигатель ровно урчал на холостых оборотах, переваривая украденную из столовой котлету.

А здесь начинался настоящий демографический взрыв районного масштаба.

Кристина встала, подошла к двери, тихо вышла в коридор и пошла обратно к каморке Марьи Степановны.

Старушка Баскервилей всё так же вязала свой бронебойный носок.

— Чего тебе еще, сирота? — спросила она, не отрываясь от петель.

— Верните Поршня, — мертвым голосом сказала Кристина. — Я доплачу. Сверху. Возьмите мои угги. Они термо. У неё ноги вечно мерзнут, пусть носит. Только заберите отсюда эту… молодую ячейку общества. У меня завтра коллоквиум по топливным системам, а у Толика, судя по габаритам рубашки, очень беспокойный сон.

Марья Степановна подняла глаза. В них плескалось холодное северное море.

— Носок довяжу и пойдем писать обратный приказ, — кивнула она. — Давно я, грешным делом, качественного баса в хоре не слышала. Тосковала даже. Ох, грехи мои тяжкие… Держи спицы, подержи полотно, пока я резолюцию черкаю. Да не тяни на себя, село, петлю спустишь!

Пельмени

В ПТУ №3 Кристина училась на трактористку.

Ей было пятнадцать, у неё были плечи штангиста от попыток удержать сцепление старого МТЗ-80 и душа тонкой лани, которая хотела замуж за айтишника из «Яндекса».

Жила Кристина в общежитии коридорного типа. Коридор там был один на четыреста человек, а бюджет — минус три тысячи до стипендии.

В таких условиях экономика страны переходила на бартер.

Сахар меняли на средство для мытья посуды, конспект по гидравлике — на право посмотреть серию турецкого сериала. Но главной валютой всегда оставались пельмени.

Сосед Витя по кличке «Штангенциркуль», работал охранником в круглосуточном магазине.

У него водились деньги, но не водилось мамы. Поэтому холодильник Вити изнутри напоминал морозильную камеру экспедиции Скотта к Южному полюсу: всё пространство занимали плотные белые кирпичи магазинных полуфабрикатов.

У Кристины в холодильнике жила только луковица с признаками глубокой депрессии и половина кетчупа.

— Витя, выручи, — сказала она как-то вечером, гипнотизируя пустой чайник. — До завтра дожить надо.

Витя вздохнул, лег на пол, просунул руку в ледяные недра своего «Индезита» и выломал из брикета ровно пятнадцать штук.

— Отдашь столько же, — буркнул он. — Или эквивалент.

Эквивалент тогда еще не придумали.

Кристина отнесла пельмени в свою кастрюлю. Варила их строго по науке: семь минут после всплытия.

Достала тарелку, села есть. На третьем пельмене пришел одногруппник Саня со своей вечной историей про то, что жизнь тлен, а карданный вал погнулся.

Пока Кристина сочувственно кивала и подливала ему кипяток, механизм автоподачи руки в рот дал сбой. Когда Саня ушел спасать мировую революцию, в кастрюле сиротливо плавала последняя пельмешка.

Кристина пересчитала запасы.

Потом пересчитала совесть. Совесть проиграла с разгромным счетом.

Витькин долг лежал в её морозилке.

Это был точно такой же белый кирпич, только цельный.

Кристина взяла нож, отсекла один замороженный пельмень, завернула его в пакетик.

Подумала.

С точки зрения высшей математики и женской логики, баланс оставался отрицательным. Она спустилась этажом ниже, постучалась.

— Держи, — протянула она сверток. — 14. И это… две луковицы сверху. За моральный ущерб. Тот, который я съела.

Витя посмотрел на луковицы. Они были великолепны: сухие, золотистые, твердые, как идеалы коммунизма.

— Нормально, — кивнул Витя. — Лук сейчас дорог. Проехали.

Через месяц Кристине снова понадобился хлеб. Она пошла к соседке Кате. Катя была девушкой запасливой, работала поваром в столовой при заводе ЖБИ. Хлеба у нее не оказалось, зато в морозилке томился стратегический резерв.

— Дай взаймы десять пельменей, — попросила Кристина.

Катя задумалась.

— Десять — это лук, — сказала она. — А вот двенадцать могу.

— По курсу Витька? — уточнила Кристина.

— По какому еще Витька? — удивилась Катя. — По общажному. Весь первый курс меняет. Один пельмень — две луковицы. Или пачка майонеза. Майонез даже выгоднее, там уксус.

Так Кристина случайно стала председателем Национального банка студенческого общежития.

Она ввела новую конвертацию валют. Экономика ожила.

По всему второму этажу пошел гулять тихий шелест. Это студенты шкурили луковицы. Оказалось, что весы у всех разные, понятие «средняя луковица» трактуется произвольно, а сорта бывают салатные (выгодно заемщику) и синие, жесткие (выгодно кредитору).

Начались первые биржевые спекуляции.

Староста этажа Леха попытался монополизировать рынок. Он купил мешок лука оптом на базе, рассовал его по своим тайникам и объявил дефолт по луковичным облигациям.

Курс упал до одной целой и семи десятых луковицы за штуку. Паника длилась два дня, пока комендантша баба Зина не нашла Лехин схрон в бачке унитаза и не конфисковала активы за антисанитарию.

Однажды Витя сидел во главе стола, сытый и важный, как Ротшильд.

— Вот помню, — говорил он, принимая от первокурсницы компенсацию за шесть пельменей пучком укропа и старой мышеловкой. — Принесла мне Крис однажды две луковицы. Я смотрю на них и думаю: мировой кризис наступает. Теперь мы заживем.

Кристина к тому времени уже освоила рычаг переключения передач, научилась отличать солярку от подсолнечного масла и почти накопила на курсы бровиста.

Иногда она смотрела на график котировок, который кто-то заботливо нарисовал маркером на дверце общей кухни («1 пельмень = 2 луковицы / 1 рулон туалетной бумаги / 0,5 контрафактного энергетика»), тяжело вздыхала и думала о судьбах Родины.

А ночью ей снился золотой стандарт.

Огромная, сияющая платиновая луковица, внутри которой, как желток, замер идеальный, ровный сибирский пельмень.

Наконец одна в комнате

Старушка Баскервилей вязала носок. Это был не просто носок, это была летопись страданий трикотажной фабрики «Красная Пятка». Спицы в её руках стрекотали как два пулемета системы «Максим», а из-под них лезла грубая серая шерсть, которой можно было чесать спину медведю, и тот бы попросил добавки.

Перед комендантшей общежития ПТУ №3 светился пульт управления галактикой. Четыре монитора показывали срез общества: на кухне жарили картошку прямо на грязном кафеле; в душевой первокурсники пытались постирать веник; по коридору третьего этажа катили огнетушитель, используя его как средство передвижения для инвалидов умственного труда.

Дверь распахнулась от удара ноги судьбы. На пороге стояла Кристина, она выглядела так, будто только что сошла с обложки журнала «Форбс» для эскорт-услуг. Розовые угги топорщились мехом, мини-юбка бросала вызов закону всемирного тяготения, а топик… Топик трещал по швам. Грудь пятого размера жила своей жизнью, подпрыгивая при каждом вздохе и пытаясь самостоятельно поздороваться со старушкой раньше хозяйки.

— Марья Степановна, — сказала Кристина голосом человека, которому задолжали миллион долларов. — Мне тут некомфортно.

Старушка Баскервилей перевела взгляд с монитора номер четыре (там Валюха-Поршень снова пыталась завести трактор во сне) на топик. Олени на ковре за спиной комендантши испуганно прикрыли копытами глаза.

— Яблочный Спас, — прохрипела Марья Степановна, вытирая испарину со лба рукавом засаленного халата. — Деточка, ты зачем столько силикона в молочные железы закачала? У тебя центр тяжести выше головы сместился. Ты когда наклоняешься шнурки завязать, тебя через плечо перекидывать надо?

— Какие шнурки, — фыркнула Кристина, отчего правая грудь чуть не выбила филенку двери. — Я модель будущего аграрного сектора. Меня папа в автосалоне замдиректора обещал устроить, если я корову отличу от лошади. Но жить в казарме с Валюхой-Поршнем я отказываюсь. Она храпит матом и водит слесарей. От их перегара у меня лак на ногтях пузырится. Мне нужна отдельная комната. Одноместный люкс. С видом на пустырь.

Марья Степановна отложила спицы. Носок упал на линолеум с тяжелым металлическим звоном.

— Отдельных комнат нет, селедка. У нас уплотнение. По приказу министерства мы скоро будем класть студентов штабелями друг на друга, чтобы сэкономить на отоплении. Свободна. И бюст свой забери, он мне весь фен-шуй портит.

Кристина подошла к столу. Наклонилась над мониторами. Мониторы запотели. Старушка Баскервилей инстинктивно перекрестилась левой рукой, правой продолжая нашаривать под столом тревожную кнопку вызова вневедомственной охраны.

— Вы меня не поняли, — промурлыкала Кристина. — Я же говорю, мне нужен люкс. Для сохранения нервной системы. Чтобы мысли о высоком посещали. Например, о том, чем отличается коленвал от кардана.

Она положила на стол перед комендантом предмет. Это был пакет из плотного полиэтилена. Внутри лежало нечто прямоугольное, твердое и явно импортное.

Марья Степановна прищурилась. Её зрение, закаленное годами работы в цеху металлоконструкций, видело мир в разрезе.

— Это что? — подозрительно спросила она. — Набор юного сантехника? Или книга «Как стать счастливой дурой за 10 дней»?

— Это айфон, — выдохнула Кристина. — Последняя модель. Камера сорок мегапикселей. Он сам умеет варить кофе и гладить котов. Папа подарил, но у меня таких три. Берите. И ключи давайте.

В комнате запахло должностным преступлением. Олени на ковре начали медленно отползать к плинтусу.

Старушка Баскервилей взяла коробку узловатыми пальцами. Повертела. Приложила к уху.

— Тикает, — констатировала она. — Значит, работает. А зарядку дали?

— Там беспроводная, — закатила глаза Кристина.

— Колдовство, — строго сказала Марья Степановна, пряча телефон в ящик стола, где уже лежали изъятые у студентов самогонные аппараты, один огнемет и чья-то вставная челюсть.

— Ладно. Пойдем. Есть одна каморка. Раньше там кастелянша хранила списанные ватники, потом умер скорпион, которого привез первокурсник из Астрахани, теперь пусто. Только учти: будешь шуметь — выселю вместе с твоими воздушными шарами. Будешь спать как мышь под метлой.

— Я буду тише воды, — пообещала Кристина, цокая розовыми уггами по лестнице. — Ниже травы. Как памятник.

Они дошли до конца коридора. Марья Степановна зазвенела связкой ключей, похожей на кистень.

— Вот, — сказала она, открывая дверь. — Люкс. Площадь три на четыре. Окно есть, правда, выходит на стену морга, зато тихо. Соседей нет. Стены толстые, кирпич дореволюционный. Ни одна Поршневая технология не пробьет.

Кристина вошла, осмотрелась. Паутина в углу висела архитектурным шедевром. Кровать была железной, панцирной, и напоминала капкан на мамонта.

— Ну… — протянула она брезгливо. — Дивана нет. Где я буду сидеть, пока сохнут волосы после солярия?

— На подоконнике сиди, — отрезала Старушка Баскервилей. — И вот тебе первое правило нашего отеля пять звезд: мужиков сюда не водить. Узнаю — посажу твой айфон в микроволновку. Поняла?

— Что вы, Марья Степановна! — искренне возмутилась Кристина, прижимая руки к груди. Пятая точка жизненного успеха опасно приблизилась к лицу комендантши. — Мне учиться надо! Интеллект развивать! Я ж будущая элита села!

— Знаю я ваше село, — хмыкнула комендантша, глядя куда-то в район солнечного сплетения девушки. — Элита она… Ладно, живи. Дверь сама захлопнешь. И носки мои новые не трогай, они в шкафу лежат, греются. Они заговоренные, кто тронет — у того год прыщи будут в форме трактора «Беларус».

Когда шаги старушки затихли в конце коридора, Кристина закрыла дверь на щеколду. Подошла к кровати. Села. Панцирная сетка жалобно всхлипнула.

Девушка достала из сумочки зеркальце. Посмотрела на себя. Поправила топик.

— Ничего, — сказала она своему отражению. — Главное — база. Потолок побелить, обои поклеить эти, шелковые. Диван заказать. Папа денег даст, скажу, что здесь радиация. Зато никто не храпит. Благодать.

Она легла на кровать, закинув ногу на ногу. Железная сетка прогнулась так глубоко, что Кристина оказалась на уровне пола. Из вентиляционной решетки потянуло запахом жареной мойвы и Валюхи-Поршня, которая этажом ниже во сне переключала передачи своего внутреннего дизеля.

Кристина поморщилась, надела пушистые наушники, подключенные к новому телефону, и включила звук морского прибоя.

Где-то в каморке Марьи Степановны завибрировал забытый в ящике стола новый айфон. Комендантша вздрогнула, перекрестилась и перекрестила ящик.

— Свят-свят, — прошептала она. — Техника дьявольская. Надо батюшку позвать, пусть святой водой розетки окропит. А то ишь чего удумали — кота гладить по воздуху. Совсем народ стыд потерял.

Положил на тумбочку — заряжается. Магия.

Ремонт

В ПТУ №3 имени трижды героя социалистического труда товарища Мымрина наступила среда.

Кристина вплыла в аудиторию по автоделу, как розовая сахарная вата на минималках.

На ногах — угги цвета «барби перед операцией». Сверху — курточка, которая скорее подчеркивает наличие ключиц, чем защищает от сквозняков.

Юбка была настолько мини, что когда Кристина села за парту, Михалыч, препод по спецдисциплине «Ремонт и эксплуатация», икнул и машинально перекрестился левой рукой, не выпуская из правой гаечный ключ на тридцать два.

— Здрасьте, Михал Михалыч, — пропела Кристина голосом, которым сирены топили греческие триремы. — Я готова к знаниям.

Михалыч посмотрел на ее ноги. Потом на таблицу цилиндропоршневой группы Д-240. Потом снова на ноги. В его голове, привыкшей мыслить допусками и посадками, произошел когнитивный диссонанс. Допуск у юбки был отрицательным. Посадка ткани стремилась к абсолютному нулю.

— Тема урока, — просипел Михалыч, сглатывая наждачную пыль опыта. — Ремонт топливной аппаратуры зимой. При минус сорока. В чистом поле. Когда солярка по консистенции напоминает засахарившийся мед твоей бабушки, Царствие ей Небесное.

Класс затих. 30 будущих трактористов, пахнущих вчерашним пОтом и солидолом, подались вперед. История про замерзшую солярку — это святое. Это лучше, чем кино.

— Значит так, пигалица, — Михалыч ткнул гаечным ключом в сторону Кристины. — Ты вот вся такая воздушная. В булочную небось на гироскутере ездишь? Представь. Тайга. Февраль. У тебя МТЗ-шка заглохла. До базы сорок километров. По пояс в снегу. Волки воют. Мороз щиплет щеки до костей. Что ты будешь делать первым делом?

Кристина поправила прядь волос.

— Ну… я позвоню своему Данику. Он на Кайене приедет. Мы сядем внутрь, включим подогрев сидений… там же есть подогрев? И попьем смузи. Горячий смузи со вкусом единорога. А волкам я скину геолокацию, пусть Даник им еды закажет. Пиццу «Четыре мяса».

Михалыч молчал минуту.

— Смузи, — повторил он мертвым голосом. — Единорога. Хорошо. Смузи замерзает при минус трех. Становится фруктовым льдом. Им можно убить белку, если кинуть промеж глаз. Но мы допустим. Даник твой застрял в сугробе на своем лаковом капоте еще на выезде из города. Потому что законы физики, деточка, писаны даже для мажоров. Капот холодный, как сердце завуча. Электроника сказала «ой всё» и ушла в ребут навсегда. Что дальше?

— Я вызову Яндекс. Кит, — не сдавалась Кристина. — Или вертолет МЧС. У меня папа знает одного полковника.

— Полковники в минус сорок тоже люди, они пьют водку и смотрят биатлон, — отрезал Михалыч. — Никто не летит. Ты одна. Ночь. Твой розовый дерматин на ногах уже перестал быть цветом. Он стал фактурой. Как картон. Если ударить по уггам молотком, звук будет звонкий. Идеальный резонатор для паники. Чувствуешь пальчики?

— Нет… — пискнула Кристина, инстинктивно пряча ноги под стул.

— Вот! — торжествующе поднял палец Михалыч. — Это начало обморожения второй степени. Скоро пальцы будут хрупкими, как чипсы. Наступишь на веточку — хрусть! И у тебя вместо мизинца сувенир. Будешь внукам показывать: «Вот, дети, раньше у мамы было десять пальцев, а потом она решила покорять целину в тапочках».

Класс заржал. Кто-то уронил голову на парту и беззвучно трясся.

— Ладно, — смягчился Михалыч. — Допустим, ты выжила первые полчаса силой воли и воспоминаниями о Данике. Тебе нужно завести трактор. Аккумулятор на холоде теряет емкость. Стартер крутит медленно, как твоя мысль над задачей по алгебре. Что делаем?

— Греем зажигалкой? — предположила Кристина.

— Себя погрей! — рявкнул Михалыч так, что с потолка посыпалась побелка восьмидесятого года выпуска. — Искра нужна! Ток нужен! Берешь ведро. Идешь на дорогу. Голосуешь. Останавливать надо лесовоз. Водителя лесовоза зовут Петрович. У Петровича лицо красное, как свекла, и душа широкая, как кабина КамАЗа. Просишь у него литр керосина. Для запуска. И кипятка. Много кипятка.

Кристина посмотрела на свои ногти со стразиками.

— Но у меня маникюр, Михаил Михайлович! Кипяток испортит гель-лак!

Михалыч подошел к ней вплотную. От него пахло отработанным маслом, металлом и безысходностью.

— Деточка, — сказал он тихо, но весь класс услышал каждое слово. — В минус сорок твой гель-лак вместе с ногтями снимется чулком. Одной красивой пленкой. Прямо в рукавицу Петровича, когда он будет помогать тебе лезть на гусеницу. Запомни алгоритм. Первое: снимаешь свои валенки из жевательной резинки. Второе: заматываешь ноги портянками. Портянка — это такой длинный кусок тряпки. Выживаешь только благодаря ей и мату. Третье: лезешь под брюхо трактора. Там ветра нет, градусов на пять теплее. Как в маминой утробе, только пахнет трансмиссией. Лежишь, смотришь на замерзшее дизтопливо и понимаешь тщетность бытия. Четвертое: когда трактор заведется, выхлопная труба плюнет черным дымом. Прямо на твои розовые угги. Они станут благородного антрацитового цвета. И размера на два меньше, потому что скукожатся.

Михалыч вернулся к доске, взял мел.

— Поэтому домашнее задание. К завтрашнему дню выучить устройство предпускового подогревателя ПЖБ-200. А ты, звезда моя аграрная, принесешь справку от папы-полковника, что он разрешает нам использовать твоего Даника и его Кайен в качестве наглядного пособия. Будем учить группу тактическому вытаскиванию премиальных кроссоверов из снежных переметов. Лебедкой. За бампер.

Кристина шмыгнула носом.

— А портянки… их где берут?

— У старосты спроси, — буркнул Михалыч. — У него дед в кавалерии служил. У них этого добра — вагоны. Только учти, Сидоров дает портянки только взамен на домашку по термодинамике. Такая вот суровая романтика села.

Угги цвета Барби понуро стояли под партой. Кажется, они впервые в жизни выглядели не модно, а просто глупо. Где-то далеко, в теплой городской квартире, спал Даник и ничего не знал ни про дизель Д-240, ни про то, что любовь любовью, а без портянок в тайге делать нечего.

Новый ученик

В кабинете пахло соляркой, дихлофосом и несбывшимися надеждами.

Кристина сидела за первой партой.

На ногах — розовые угги с помпонами, на веках — эстетика средних веков, юбка заканчивалась ровно там, где у нормальных людей начинается здравый смысл.

В ПТУ №3 она пришла учиться на трактористку третьего разряда, потому что папа сказал: «Или в коровник к тете Зине, или туда». Кристина выбрала прогресс.

Михалыч, мастер производственного обучения, ветеран куликовской битвы и человек, состоящий из табачной крошки на 70 процентов, стучал мелом по доске. Он рисовал схему карбюратора. Схема напоминала инфаркт, наложенный на карту Тамбовской области.

— Запоминайте, — хрипел Михалыч. — Вот это жиклер. Кто скажет, зачем он нужен?

Кристина тяжело вздохнула.

Она представляла, как едет на своем розовом тракторе через весеннее поле навстречу ветру, а не вот это вот всё про диффузоры. Угги отбивали чечетку по линолеуму.

Дверь открылась. В кабинет вошел Дмитрий. Восемнадцать лет. Сатрап. Демон районного масштаба. Бабник такой силы, что цветы вяли в радиусе пяти метров просто от его запаха. Черная кожаная куртка, взгляд человека, который знает дату конца света, но никому не скажет, и походка того, кому все должны денег.

Михалыч поперхнулся мелом.

— Знакомьтесь, — просипел он, пытаясь протереть очки подолом засаленной рубашки. — Это Дима. Будет учиться с вами. На бульдозериста. У него… гм… условный срок отработки часов. Прошу любить и жаловать.

Класс замер. 30 пар глаз синхронно моргнули.

Дмитрий обвел помещение взглядом палача-экстрасенса. Его глаза скользнули по схеме инфаркта, презрительно дернулись, и остановились на Кристине. Вернее, на том месте, где ее мини-юбка окончательно сдавалась перед законами физики.

У Кристины внутри что-то щелкнуло. Не так щелкает реле в щитке, а так хрустит шейный позвонок старой девы при виде голого торса водопроводчика.

— Жиклер нужен, чтобы бензин смешивался с воздухом, — лениво процедил Дима, не отрывая взгляда от колен Кристины. — А еще им можно открывать пиво, если ты нормальный пацан, а не теоретик вроде вас, Михалыч.

Мастер побагровел. Его внутренний мир, построенный на уважении к системе смазки двигателя МТЗ-80, рухнул в одночасье.

— Иди вон… садись! — выдавил Михалыч, махнув рукой куда-то в сторону задней парты.

Дима пошел между рядами. Это была не ходьба, это был дефиле грехопадения. Паркет скрипел от унижения.

Когда он проходил мимо Кристины, поток тестостерона от его кожаной куртки сдул один розовый помпон прямо в банку с солидолом.

Кристина смотрела на него снизу вверх. Ее мозг, заточенный под коробку передач трактора «Беларус», впервые дал системный сбой.

Она поняла главное: плевать на карданный вал. Если этот сатрап позовет ее менять масло в гараже — она пойдет. Даже если придется надеть поверх этих уггов резиновые сапоги.

Прогулка

В ПТУ №3 закончился урок. Из класса «Тракторное дело и основы гидравлики» вывалились тридцать потных парней в робах, пахнущих солярой и пубертатом.

А следом выплыла Кристина.

Восемнадцать лет, розовые угги на ногах, мини-юбка размером с чехол от AirPods и взгляд волчицы из питомника для элитных собак. В руках — розовый же чехольчик для телефона со стразами. На фоне трактора МТЗ-82 она смотрелась как капкейк посреди скотного двора.

— Ого, — сказал мастер производственного обучения Михалыч, почесывая кадык. — Кристин, ты это… Если что, педаль сцепления тугая. Ты её этими копытцами не продавишь. И юбку подоткни, а то ремень генератора задерет. Будет тебе модный асимметричный боб до пупка.

Кристина показала преподу средний палец, идеально покрытый гель-лаком цвета «фуксия», и пошла к выходу.

За забором училища ее ждал Дмитрий. Восемнадцать лет. Сатрап, демон районного масштаба, бабник местного розлива и единственный человек в радиусе ста километров, который мог сделать «бернаут» на ржавой шестерке без последствий для позвоночника.

Дима стоял, прислонившись к водительской двери своей девятки. Куртка расстегнута, подбородок задран, во рту зубочистка. Весь его вид кричал: «Я видел дно этой жизни, и оно было скучным».

Он посмотрел на приближающиеся розовые угги. Его внутренний альфа-самец икнул и спрятался где-то в районе аппендикса.

— Опять? — спросил он вместо приветствия, кивнув на ее ноги.

— Что «опять»? — Кристина остановилась в двух шагах, уперев руку в бок. Бедра у нее были такие, что при желании ими можно было остановить танковый клин Гудериана.

— Угги твои. Розовые. Мы вообще в какой вселенной живем? У нас тут аграрный колледж или Неделя моды в Милане?

— Отвали, Димон. Я после теории. Ноги отекли.

— У тебя там что, гусеница внутри? — Дима щелкнул зубочисткой. — Ладно, прыгай. Только сиди ровно, я сегодня пружины поменял, машина низкая. Своим тюнингом мне весь спойлер поцарапаешь.

Кристина изящно (насколько позволяет короткая юбка и обувь полярника) плюхнулась на сиденье. Кожа протестующе скрипнула.

— Куда едем? — спросила она, доставая телефон. Экран немедленно отразился в ее глазах миллиардом искр.

— На поле. Там Андрюха с третьего курса «Беларуся» пригнал. Говорит, коробку заклинило на четвертой. Будем толкать.

— Я в уггах толкать буду? По чернозему? Издеваешься?

— А ты думала мы на набережную поедем, кофе пить? — Дима газанул так, что гравий веером вылетел из-под колес. — Это любовь, детка.

Любовь — это когда ты стоишь по колено в мазуте, потому что твой парень идиот. Романтика.

Они ехали молча. Дима крутил руль одной рукой, второй пытался переключить передачу. Кристина смотрела в окно. За стеклом тянулись бесконечные серые заборы, гаражи-коробки и билборды с рекламой микрозаймов. Суровая красота средней полосы России.

— Слушай, сатрап, — вдруг сказала Кристина. — А чего ты ко мне прицепился? Вокруг тебя этих коров из бухгалтерии — целое стадо. Сами бегают, сами звонят. А меня ты зачем две недели окучивал? Я ж даже матом через слово ругаюсь.

Дима сбавил скорость. Посмотрел на ее профиль. Под короткой челкой, под слоем тоналки, которой она пыталась скрыть подростковые прыщи, была обычная девчонка. Уставшая, злая и очень красивая той самой красотой, которая случается только в 18 лет и длится примерно полгода, пока жизнь не начнет бить по лицу всерьез.

— Потому что ты единственная, кто пришел на свидание в бронежилете, — ответил он. — Вон, юбка твоя. Она же короче, чем интервал между техобслуживанием. Ты в ней на трактор лезть собралась? Или отбиваться от похотливых агрономов?

— Это стиль! — вспыхнула Кристина. — И вообще, если я залезу на твою Беларусь, ты первый побежишь фоткать сториз!

— Конечно, побегу, — легко согласился Дима. — Поставлю хэштег #сельский_гламур. Соберу лайков от всей области. Твоя мама узнает, что ты не на кружке макраме, и убьет сначала меня, потом тебя, а потом воскресит и убьет еще раз. Мне нужна движуха.

Кристина фыркнула, но уголок ее губ дрогнул.

Беларусь они нашли на краю поля. Андрюха сидел на корточках возле заднего колеса и курил электронную сигарету, испускающую пар со вкусом манго.

— О, принцесса явилась, — просипел он. — Чего обули-то? Потеряли нормальную обувь по дороге?

— Рот закрой, — лениво бросил Дима. — Заводи. Будем репу тащить.

— Какую репу?! — возмутился Андрюха. — У меня коробка клинанула! Нам нужен лом и три бутылки пива, чтобы трактор плакал и соглашался ехать!

— Значит, толкаем, — Дима вылез из машины. — Крис, выходи.

Кристина посмотрела на свои угги. Потом на жирный, чавкающий чернозем. Потом на свою юбку, которая заканчивалась там, где у приличных людей начинается совесть.

— Вы больные, — констатировала она. — Я сейчас утону. Меня придется МЧС выкапывать вместе с техникой.

— Не утонешь, — Дима подошел сзади, положил руки ей на талию и одним рывком вытащил из салона. Земля гулко чмокнула подошвами уггов. — Я поймаю. Главное, когда будем толкать, назад не падай. А то я за твоими ногами следить не успею, отвлекусь. Техника безопасности страдает.

Андрюха заржал так, что подавился паром от своего манго.

Кристина стояла в грязи, в розовых меховых тапках, под ледяным октябрьским ветром. Солнце садилось за горизонт, окрашивая небо в цвет дешевого кетчупа. Впереди рычал дизелем огромный железный конь. Позади стоял плохой мальчик Димка, который прямо сейчас думал вовсе не о коробке передач.

Она глубоко вздохнула, запахнула куртку и поплелась к трактору.

В конце концов, диплом трактористки сам себя не получит. Да и Димку одного в этом болоте оставлять было нельзя — сожрет еще кого-нибудь, демоническая его душа.

Нет красоте

Учебный трактор МТЗ-82, прозванный курсантами «Белым лебедем» за цвет ржавчины и грацию беременной коровы, наконец заткнулся. Из кабины вывалился клуб пара, солярки и тестостерона. Следом выпала Кристина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.